

eISSN 2311-2468
Том 8, № 8. 2020
Vol. 8, no. 8. 2020

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

ВЛАСОВА Е. А.
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПЛАСТЫ
В ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «ФИЛИАЛ»

Аннотация. В статье рассматриваются интертекстуальные стратегии, применяемые С. Довлатовым в повести «Филиал (Записки ведущего)». Фокус работы направлен на выявление межтекстовых диалогических связей в произведении писателя. Цель исследования заключается в том, чтобы продемонстрировать то, как выполняется функция автоцитации. В процессе анализа повести делается вывод о том, что привлечение автоинтертекста происходит посредством системы персонажей из подсюжета.

Ключевые слова: интертекст, автоинтертекст, Сергей Довлатов, автоцитация, «Филиал».

VLASOVA E. A.
INTERTEXTUAL LAYERS
OF THE STORY "THE BRANCH" BY S. DOVLATOV

Abstract. The article discusses intertextual strategies used by the author S. Dovlatov in the story "The Branch". The study is focused on revealing the intertextual dialogical connections in the work of the writer. The study goal is to demonstrate how the mechanism of self-citation works in the literary work. The analysis shows that autointertext is implemented in the story through the characters of the subplot.

Keywords: intertext, autointertext, Sergei Dovlatov, self-citation, The Branch.

Анализ взаимодействия пушкинских и лермонтовских интертекстов в довлатовском тексте можно найти в работах О. В. Богдановой и Е. А. Власовой [1; 2]. Подробный анализ традиции русской классической литературы в довлатовских текстах прослеживается в работах Г. А. Доброзраковой [3; 4]. На протяжении последних двадцати лет были проведены исследования, посвященные исследованию в довлатовской прозе аллюзий на тексты Толстого [5], Достоевского [6], Чехова [7]. При этом проблема автоинтертекста осталась малоизученной.

Повесть «Филиал (Записки ведущего)» была написана в 1988 году в США и впервые опубликована в петербургском (ленинградском тогда) журнале «Звезда» [8]. По сюжету повести в Лос-Анжелесе собираются многочисленные российские эмигранты – философы, ученые, общественные деятели, священнослужители, литераторы.

Два подсюжета – «внешний», «общественный», собственно конференциальный, связанный с симпозиумом, и сюжет «внутренний», частный, повествующий о встрече героя-

рассказчика с его первой любовью, теперь тоже эмигранткой в финале повести остроумно и иронично, но вместе с тем мотивированно и убедительно соединяются.

Между тем едва ли не самую выразительную особенность повести «Филиал» составляет массивный пласт автоинтертекста, привлеченного писателем. В основе сюжета повести – международная конференция «Литература в эмиграции. Третья волна» (1981 г., май), заметки о которой были подготовлены Довлатовым для «Нового американца» и опубликованы в «Синтаксисе» под названием «Литература продолжается» [9].

Интертекстуальная связь между двумя текстами – эссе «Литература продолжается» и повестью «Филиал» максимально эксплицирована. Однако «вторичная» актуализация «общественного подсюжета» происходит в рамках трансформации, художественного переосмысления и творческого дополнения.

По истечении ряда событийных обстоятельств название повести «Филиал» обретает сущностное наполнение. Для героя-рассказчика нахождение вне пределов *большой* родины воспринимается *малым* филиалом, который, однако, живет по тем же законам и традициям, руководствуется теми же привычками и принципами, что и в пределах оставленного отечества. Неслучайно для русских эмигрантов важнее другое: «Наша тема – Россия и ее будущее» [8, с. 8].

Однако, как и всегда у Довлатова, серьезные проблемы предстают в тексте в ироническом ключе. Потому вопрос о будущей (постперестроечной) судьбе России заявляется в повести своеобразно: «С прошлым все ясно. С настоящим – тем более: живем в эпоху динозавров. А вот насчет будущего есть разные мнения. Многие даже считают, что будущее наше, как у раков, – позади» [8, с. 8]. Последнее замечание немаловажно – будущее смыкается с прошлым, бытийный круг для героя (героев) Довлатова закольцовывается, выводя проблемы «малого сообщества» на всеобщий уровень, когда мифический допотопный образ «Ноева ковчега» [ibidem].

Так, по словам рассказчика: «Радио “Третья волна” <где герой работает> помещается на углу Сорок девятой и Лексингтон. Мы занимаем целый этаж гигантского небоскреба “Корвет”. Под нами – холл, кафе, табачный магазин, фотолаборатория» [8, с. 9]. Образ «Корвета» (как известно, в литературной традиции чаще всего разбойничье-пиратского судна) усиливает и развенчивает, дополняет и корректирует образ ветхозаветного «Ноева ковчега». Образы «двух охранников, белого и черного» [8, с. 9], стоящих при входе в здание, – в своей «диалектической противоположности» – акцентируют и углубляют мотив «каждой твари по паре».

Образ героя-рассказчика Далматова занимает в системе персонажей повести центральное, но (что еще более важно) срединное место¹, что необходимо для формирования «нейтральной» (объективной) точки зрения на литературные споры, разгорающиеся на симпозиуме «Новая Россия: варианты и альтернативы». По самооценке Далматова: «Среди эмигрантских писателей я занимаю какое-то место. Увы, далеко не первое. И, к счастью, не последнее. Я думаю, именно такое, откуда хорошо видно, что значит — настоящая литература» [8, с. 9]¹. Именно герои-литераторы становятся объектами (субъектами) журналистской и писательской рефлексии Далматова, и через их посредство интертекст выходит на передний план.

В эссе каждый из реальных участников симпозиума удостоивается небольшого фрагмента, в центре которого оказывается некая анекдотическая ситуация, произошедшая с героем². Отдельный эпизод-главочка назван, как правило, по имени доминирующего персонажа — «Дело Синявского» [9, с. 275], «Дезертир Лимонов» [9, с. 276], «В окопах Континента, или Малая земля Виктора Некрасова» [9, с. 280], тогда как в повести прочерчивается единый сюжет, скрепленный образом корреспондента «Третьей волны» Далматова, направленного радиоредакцией для подготовки репортажа. Обязательность присутствия Далматова среди участников симпозиума-конференции (в отличие от эссе, где корреспондент отправляется на конференцию по собственной воле) привносит элемент отстраненности (дистанцированности) героя от участников симпозиума «Новая Россия».

В повести градус художественного вымысла повышается, домисел констатирует уже первый повестийный эпизод, когда герой «Филиала» оказывается в Лос-Анжелесе. Если в эссе рассказчик сообщает (вероятно) достоверный факт о том, что из аэропорта до гостиницы он доехал на такси вместе с Виктором Перельманом, то в повести появляется «вымышленный» эпизод — когда водителем такси героя Далматова оказывается бывший заключенный из Устьвымлага, т.е. места службы Алиханова, героя «Зоны». Одна повесть Довлатова увязывается с другой, поддерживая мысль «записок надзирателя» о схожести жизни по обе стороны запретки и о ее абсурдизме и хаосе. Автоинтертекст обретает в эпизоде «двойственную» суть — «Филиал» оказывается связанным не только с эссе «Литература продолжается», но и с повестью «Зона» («Компромисс» и др.), расширяя границы корреспондентских обобщений.

Эпизод с писателем А. Д. Синявским в эссе носит название «Дело Синявского», эксплицируя (по сути интертекстуальную) аллюзию на «Дело Синявского и Даниэля» (1966 г.), на известный и шумный процесс, который состоялся над писателями-

¹ Герой Далматов — внештатный сотрудник радиостанции «Третья волна».

² О роли анекдота в тексте «Филиала» см.: [13, с. 21–23].

оппозиционерами Абрамом Терцем и Николаем Аржаном, который, по существу, положил начало диссидентского движения в СССР.

Между тем в повести сообщение о присутствии Синявского на заседаниях вместе с женой М. В. Розановой разворачивается в игровой микросюжет, насквозь ироничный, причем Синявский выводится в повестийном тексте под другим именем и только однажды (в ретроспективе) упоминается под именем собственным³ [8, с. 28].

Художественный текст дает Довлатову бóльшую свободу – и характер уважаемого Синявского превращается в образ смешного Беякова: «Разместили нас в гостинице “Хилтон”. По одному человеку в номере. За исключением прозаика Беякова, которого неизменно сопровождает жена. Мотивируется это тем, что она должна записывать каждое его слово» [8, с. 20]. Восхищение умом (мыслями) Синявского, которое испытывал повествователь в эссе, сменилось иронией рассказчика в повести.

Возникает вопрос: отчего так радикально поменялась аксиология? почему один и тот же персонаж обрел совершенно иные коннотации?

Вероятнее всего, текст 1982 года, публицистический, нейтрально выдержанный подразумевал некоторую «защищенность» Довлатову-художнику от возможных нападок коллег-писателей⁴. Вероятно, на самом деле, задача художника Довлатова состояла в другом. Скорее всего, совмещение, соположение объективной тональности и художнического вымысла позволяло создать объективную картину, проявляющую многогранность характера каждого героя (человека). (Авто)интертекст приобретал для Довлатова степень писательской достоверности и художнической честности, настоящей непредвзятости, целью которой становилась возможность приоткрыть завесу над неоднозначностью человеческого характера⁵.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова О. В., Власова Е. А. Пушкинский и постпушкинский интертекст в повести Сергея Довлатова «Заповедник» // Университетский научный журнал. Серия

³ «...в моей фонотеке есть даже звук поцелуя. Это исторический, вернее – доисторический поцелуй. Поскольку целуются – кто бы вы думали? – Максимов и Синявский. Запись была осуществлена в тысяча девятьсот семьдесят шестом году. За некоторое время до исторического разрыва почвенников с либералами» [8, с. 28].

⁴ Хотя, как уже отмечалось, один только «Компромисс» свидетельствует, что у Довлатова это далеко не так.

⁵ Заметим, что в одном из эссе «на литературные темы» Довлатов характеризует Синявского таким образом: «Андрей Синявский <...> человек сложный, замкнутый и остроумный». Как видно из эпитетов, использованных автором, однозначности в характере Синявского для Довлатова действительно нет.

- «Филологические и исторические науки, искусствоведение». – 2018. – № 42. – С. 15–28.
2. Богданова О. В., Власова Е. А. Лермонтовский и постлермонтовский интертекст в повести Сергея Довлатова «Заповедник» // Российский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 2. – С. 129–140.
3. Доброзракова Г. А. Интертекстуальные связи повести С. Довлатова «Чемодан» с произведениями русской литературы XIX – XX веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – Т. 11. – С. 77–80.
4. Доброзракова Г. А. Сергей Довлатов: диалог с классиками и современниками: монография. – Самара: ИУНЛ ПГУТИ, 2011. – 172 с.
5. Ким Хен Чон. Книга С. Д. Довлатова «Наши» и традиция семейного романа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2009. – 20 с.
6. Плотникова А. Г. Традиции русской классической литературы в творчестве С. Д. Довлатова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 21 с.
7. Власова Ю. Е. Жанровое своеобразие рассказов С. Довлатова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 24 с.
8. Довлатов С. Д. Филиал: Записки ведущего. – Звезда. – 1989. – № 10.
9. Довлатов С. Д. Литература продолжается. Синтаксис. – Париж. – 1982. – № 10.
10. Довлатов С. Д. Филиал: Записки ведущего // Собрание сочинений: в 4 т. – СПб.: Азбука, 1999. – Т. 4. – С. 5–131.
11. Довлатов С. Д. Литература продолжается // Собрание сочинений: в 4 т. – СПб.: Азбука, 1999. – Т. 4. – С. 273–286.
12. Довлатов С. Д. Из Америки с любовью. Собрание сочинений: в 4 т. – СПб.: Азбука, 1999. – Т. 4. – С. 376–386.
13. Черняхович А. С. О роли анекдота в прозе С. Довлатова (повесть «Филиал») // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. общественные науки. Спец. выпуск. – 2007. – С. 21–23.

ЕРМАКОВА М. В.

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ «ОБИТЕЛЬ» ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА

Аннотация. В статье представлен анализ образа времени в романе «Обитель» современного российского писателя З. Прилепина. В ходе исследования обозначены приметы конца 1920-х гг., раскрывающие авторский замысел романа.

Ключевые слова: Захар Прилепин, лагерная проза, XX век, СЛОН, Артём Горяинов, исторический роман, русская современная литература.

ERMAKOVA M. V.

THE IMAGE OF TIME IN THE NOVEL “ABODE” BY ZAKHAR PRILEPIN

Abstract. This article provides an analysis of the image of time in the novel “Abode” by Zakhar Prilepin, the modern Russian writer. The study reveals the author's idea to describe the features of the late 1920s in the novel.

Keywords: Zakhar Prilepin, camp prose, XX century, SSPC (Solovki Special Purpose Camp), Artyom Goryainov, historical novel, Russian modern literature.

Образ времени складывается из множества самых разных черт времени – высоких и низких, красивых и уродливых, больших и малых, бытийных и бытовых. И полноценен он только тогда в произведении, когда художнику удастся показать это многообразие красок и проявлений эпохи. Захару Прилепину в романе «Обитель», на наш взгляд, вполне удалось выразить характер конца 20-х годов XX века. Несмотря на то, что действие романа происходит на Соловках – в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН) – и как будто бы должно быть ограничено границами лагеря, его историческое и культурное пространства оказываются гораздо больше географического.

Контекст повествования складывается из воспоминаний главного героя о Москве, о творческой атмосфере, которой он был окружен, об интересных встречах; из настоящих переживаний Артема Горяинова в лагере, из его отношений с уголовниками, с соседями по бараку, с Галиной и т.д. Артем Горяинов – молодой москвич, любитель поэзии, веселый домашний мальчик, волею судьбы оказавшийся на Соловках, – есть огромный мир, сознанием своим способный вмещать времена и пространства, а телом своим страдающий в лагерном бараке [4].

Спустя 70 лет после описываемых в романе событий стало принято связывать послереволюционную эпоху исключительно с репрессиями и «чистками» неблагонадежных во имя «сохранения идейной чистоты граждан». Задача власти связывалась с необходимостью ликвидации инакомыслящих и идейных оппонентов. Исключительному

вниманию со стороны власти подверглись интеллигенция, вузовская профессура, преподаватели, студенты.

В настоящее время писатели активно выбирают темы, касающиеся осмысления прошлого России. Подобно летописцу современный писатель выбирает эпохи и события, включая их в судьбу страны, и осознанно выстраивает национальную историю, фиксируя исторический факт, он формулирует его идею и вписывает во время [3].

В современном литературном пространстве существует ряд писателей, имеющих оригинальный стиль письма и уникальный взгляд на мир. Значимым и непохожим на всех остальных является писатель Захар Прилепин. Эмоционально и пронизательно реагируя на общественное настроение, он точно, легко и живописно обрисовывает волнующие общество проблемы.

Захар Прилепин много пишет о социально значимых вещах: «о самом сильном жизненном опыте» – о войне в Чечне (роман «Патологии», 2005), о молодых нацболах, намеревавшихся построить новое государство (роман «Санькя», 2006), «пацанские» рассказы о жизни («Грех», 2007 и «Ботинки, полные горячей водкой», 2008) и т.д. По мнению доктора исторических наук Владимира Шульгина, «в прилепинской прозе замечается непонятный симбиоз русского патриота и писателя постмодерна, чужающегося единой правды-истины и правды-справедливости» [5].

Выход романа «Обитель» (2014) спровоцировал целый ряд обсуждений в обществе. Ключевым моментом стала резкая смена темы писателем, он обращается и к новому времени и к новому опыту. От современности – к 20-м годам прошлого столетия. Писатель рассказывает, что не ставил перед собой задачи трафаретно наложить события романа на историческую хронологию и не писал учебник или историческое исследование. А потому упреки в ошибках принимает легко: «Я придумывал свое художественное пространство и поэтому не особо переживаю по поводу небольших ошибок. Например, к роману «Война и мир» может быть огромное количество претензий, там могут быть прямые ошибки и передержки. Но это не имеет никакого значения, потому что это пространство Толстого и больше ничье» [1].

Сюжет романа не вымысел в полной мере, а своеобразное интеллектуальное и эмоциональное наследство, оставленное прадедом писателя: *«Какие-то истории прадеда дед передавал по-своему, отец мой – в новом пересказе, крестный – на третий лад. Бабушка же всегда говорила про лагерную жизнь прадеда с жалостливой и бабьей точки зрения...»* [2, с. 11]. Роман, таким образом, есть результат своеобразной художественной систематизации рассказов родственников, воспоминаний людей, переживших Соловки, и архивного материала.

«Соловки – это отражение России, где всё как в увеличительном стекле – натурально, неприглядно, наглядно!» [2, с. 51] – говорит один из героев романа Мерзницкий.

Центральной фигурой выступает Артём Горяинов, двадцатисемилетний студент, *«москвич, повеса, читатель книжек – не за что зацепиться»* [2, с. 114], попавший на Соловки за непреднамеренное убийство своего отца. Прилепинский герой, являясь, с одной стороны, порождением времени, а с другой – формирующим его началом, сопротивляется насилию над собой, до самого последнего момента играет ведущую роль, следуя правилам игры, устанавливает свои собственные. При этом и торжествует, и проигрывает, но никогда не подчиняется обстоятельствам, а сам организует их: *«...он пока не видел никаких причин, чтобы умереть, – жили и здесь. Жили слабые, вздорные, глупые, вообще не приспособленные к жизни – даже они»* [2, с. 57]. Благодаря жизнестойкой позиции героя страшное время обретает признаки времени величественного, элементарный ужас превращается в высокое осмысленное переживание.

Разумеется, лагерное время и пространство в романе Захара Прилепина отличается от представленного в лагерной прозе В. Шаламова, например. Ибо последний, создавая время и пространство лагеря, опирался на пережитое, зафиксированное в его собственной памяти, в его сознании, в его сердце. Захар Прилепин предлагает нам художественный образ, художественное представление, soft-вариант шаламовского лагеря.

Соловки задумывались как место для создания нового варианта человека, как своего рода научная лаборатория по переделке старого типа людей в новый (что-то вроде операционной профессора Преображенского). На страницах романа мы находим подтверждение вышесказанному: *«А разве мы можем судить о вкусе сыра по плесени на нём?»*, *«Боюсь, что советская власть готовит другой вид сыра, в котором плесень будет исключена <...> только молоко! Новый народ – только молоко и сливки. Никакой плесени»* [2, с. 226]. Несложно сделать вывод о том, что под плесенью подразумевались те, кто не соответствовал представлениям новой власти о человеке достойном.

Другой приметой эпохи стало переосмысление отношения к Богу и к церкви. Человек, совершивший революцию, стал мыслить себя равным Богу, ибо он изменил мир, когда-то созданный Богом. И этот человек стал соперничать с Богом, и для этого стал стремиться убрать его со своего пути. Отсюда разгром церквей и монастырей, репрессии над священниками и монахами. В романе Захара Прилепина эта тема тоже художественно осмысливается. В Соловецком монастыре остался лишь один действующий храм, а старое кладбище снесли: *«И так монастырь переделали в скотный двор, по кладбищам пошли теперь...»*, *«Будто бы восторг святотатства отражался порой в лицах»* [2, с. 27]. Но идея Бога априори свойственна каждому человеку, он с ней рождается. Поэтому человек ведет

диалог с Богом. Например, Артем Горяинов пребывает с Богом в вечном споре, имеет к Богу серьезные претензии.

Еще одной исключительно русской литературной темой является тема взаимоотношения интеллигенции и народа, тема ответственности русской интеллигенции перед народом. На Соловках наблюдается прямое столкновение интеллигенции и народа. Но столкновение это носит парадоксальный характер. В роли народа выступают уголовники, лишенные чести, благородства, любви к труду, а в роли интеллигентов – бывшие белогвардейцы, резавшие и расстреливавшие подлинный русский народ во время гражданской войны. Очень странную человеческую картину предлагают Соловки. Василий Петрович, собеседник Артема Горяинова, претендующий на то, чтоб некоторым образом заменить ему отца, и просто очень милый человек, оказывается белогвардейцем-карателем. Будучи образованным человеком, он шутливо называет встречи у Мезерницкого «Афинами», он же обращает внимание на то, что сейчас нигде таких бесед нет – ни в Москве, ни в Петербурге, только на Соловках. Парадоксально, что свобода мышления проявляется в заключении.

Интересным моментом является и то, что для начальника лагеря Эйхманиса самыми опасными заключёнными выступают террористы и каэры, то есть те, кто когда-то представлял угрозу для власти. Даже на годовщину Октября он не исключает какого-нибудь «сюрприза». А вот все остальные заключённые ему кажутся вполне нормальными. Это подтверждает сцена разговора Эйхманиса и Артёма: *«Вот вы за что сидите, Артём? <...>. – За убийство, – сказал Артём. <...> – Вот видите! – обернулся Эйхманис к Борису Лукьяновичу. – Есть и нормальные»* [2, с. 218].

Советская власть, стремившаяся создать идеальное светское государство, не могла оставить в стороне вопрос об образовании. Образованию нашлось место и на Соловках, где для неграмотных обучение было в обязательном порядке: *«Школа имеет два отделения. Первое – по ликвидации полной безграмотности, второе – для малограмотных...»*. Но Артёму виделось лишь одно: *«Вас всех лучше бы свести под размах! Но советская власть решила вас обучить, чтобы с вас был толк»* [2, с. 24].

Мы не ставили перед собой задачу отразить подлинность истории в романе «Обитель», в работе мы рассмотрели слияние художественного вымысла с элементами документальности. Посредством пролога Захар Прилепин, как нельзя точно, передал свою позицию: *«Истина – то, что помнится»* [2, с. 8], таким образом объясняя некоторую фактографическую недостоверность. Несмотря на это, роман помог нам окунуться в эпоху того времени, прожить все вместе с героями, а после вернуться в реальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лихачев С. Критический отзыв на роман «Обитель» Прилепина. Художественный тип [Электронный ресурс] // Школа писательского и поэтического мастерства. – 2015. – № 6. – Режим доступа: <https://schoolofcreativewriting.wordpress.com/2015/07/23/критический-отзыв-на-роман-обитель-п-2/> (дата обращения 25.10.2019).
2. Прилепин З. Обитель – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – 746 с.
3. Шаронова Е. А., Шаронов А. М. Жанровая специфика русского исторического романа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 1. – С. 195–200.
4. Шаронова Е. А. Сюжетообразующая роль песни «Не по плису, не по бархату хожу, а хожу, хожу по острому ножу...» в романе «Обитель» Захара Прилепина // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа: сборник докладов всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. – С. 144–147.
5. Шульгин В. О Захаре Прилепине: «Уменье всё совокupить» или раздвоение? [Электронный ресурс] // Литературная Россия. – 2016. – № 9. – Режим доступа: <https://litrossia.ru/item/8716-zakhar-prilepin-umene-vsjo-sovokupit-ili-razdvoenie/> (дата обращения 25.10.2019).

КОМИССАРОВ А. Г.

**ИЗУЧЕНИЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Аннотация. В статье проведен анализ новейших подходов к изучению «Слова о полку Игореве» в сравнительно-исторической перспективе. Рассматриваются жанровые и текстологические параллели «Слова...» с библейскими текстами, англосаксонской, ирландской и грузинской эпической поэзией. Особое внимание уделено попыткам семантического анализа некоторых «темных мест» произведения в новейшей историографии.

Ключевые слова: сравнительно-исторический метод, Слово о полку Игореве, «темные места», семантический анализ.

KOMISSAROV A. G.

**STUDYING OF "THE TALE OF THE IGOR'S CAMPAIGN" AT THE PRESENT STAGE:
COMPARATIVE AND HISTORICAL ASPECTS**

Abstract. The article analyses the latest approaches to the study of "The Tale of the Igor's Campaign" in the comparatively historical perspective. The genre and textual parallels of "The Tale..." with biblical texts, Anglo-Saxon, Irish and Georgian epic poetry are considered. Particular attention is paid to the attempts on semantic analysis of some obscure fragments of the work in recent historiography.

Keywords: comparative historical method, The Tale of the Igor's Campaign, text obscurities, semantical analysis.

При детальном изучении феномена «Слова о полку Игореве» (далее – СПИ) выяснится, что среди целой плеяды сопряженных с ним проблем и вопросов едва ли можно найти более важные, чем затрагивающие изучение данного произведения в рамках сравнительно-исторического метода, сопоставляющие СПИ с эпосами других средневековых народов в семантическом, жанровом, текстологическом плане.

На сегодняшний день для большей части специалистов, занимающихся проблемами подобного рода, стала совершенно очевидной необходимость применения иного, более детального подхода к изучению «Слова о полку Игореве». Богатый опыт применения методов исторической компаративистики нашел отражение на страницах большого числа работ, созданных исследователями разных направлений и степени подготовленности.

Целью данной работы является анализ новейших подходов к изучению «Слова о полку Игореве» путем рассмотрения наиболее характерных образцов сопутствующей

историографии на современном этапе. Главные задачи, поставленные в рамках данной работы, могут быть сформулированы следующим образом:

1) выявить общие связи «Слова о полку Игореве» с библейско-христианской книжностью и затронуть проблему наличия жанровых и текстологических параллелей «Слова...» и поэмы «Витязь в барсовой шкуре», основываясь на работах Г. Ю. Филипповского;

2) обозначить основные сходные черты текстовых мотивов «Слова...» и фрагмента древнеирландского «Списка со снежного холма», выявленные в процессе исследования Г.В. Бондаренко;

3) изучить попытки семантического анализа «темных мест» «Слова ...», предпринятые в работах А. Ю. Чернова и К. А. Жукова.

В 2015 и 2016 гг. увидели свет три новые работы известного исследователя СПИ, ярославского филолога Г. Ю. Филипповского: статьи «Современные проблемы изучения «Слова о полку Игореве» [1] и «Слово о полку Игореве и «Витязь в барсовой шкуре»: аспекты сравнительной поэтики» [2], а также монография «Средневековая идентичность «Слова о полку Игореве» [3].

Г. Ю. Филипповский начинает с констатации того факта, что проблема соотнесения библейско-христианской книжности и «Слова...» давно находит отражение в научных работах разного уровня: здесь и написанная в 1926 г. монография академика В. Н. Перетца «К изучению «Слова о полку Игореве», вторая и третья главы которой как раз посвящены вопросам соотнесения «Слова...» и библейско-христианской книжности (вторая – связям «Слова...» и Библии, третья – параллелям текста «Слова...» и «Повести о разорения Иерусалима» Иосифа Флавия), и публикация 1912 г. за авторством киевского историка Г. М. Бараца «О библейском элементе «Слова о полку Игореве», и более ранние публикации П. П. Вяземского и Д. Н. Дубенского [3, с. 12].

В основном сопоставление «Слова...» по его тексту в издании А.И. Мусина-Пушкина 1800 г. и текстов библейско-христианской книжности проводилось и Перетцем, и многими другими учеными в плане словарно-фразеологических сопоставлений, параллелей. В качестве объектов сравнения привлекались тексты Паремийников, Псалтири, ветхозаветные книги (Бытия, Исход, Судей, Царств, Екклесиаста, Есфири, Пророков), а также Апостол, Евангелия, Апокалипсис [3, с. 13].

Впоследствии Д. С. Лихачев отметит некую «механичность» подобного рода сопоставлений, что найдет отражение в одном из его текстов 1953 г.: «Эти связи есть, но в старинной исследовательской литературе они сильно преувеличены. К различным выражениям «Слова...» были механически подобраны многочисленные параллели из

летописи, из «воинских повестей», из переводной «Хроники Манассии», из «Повести о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, из Библии...» [4].

В похожем тоне отзывался о словарно-фразеологическом сопоставлении текстов и Н. К. Гудзий, отмечая, что наличие параллелей свидетельствует, в первую очередь, об общих для «Слова...» и христианских памятников поэтических формулах. Г. Ю. Филипповский предполагает, что характер высказываний Д. С. Лихачева свидетельствует о недостаточном ознакомлении последнего с трудами своих предшественников, в работах которых имело место быть не только «механическое» сопоставление текстовых деталей, но и замечания относительно композиционной составляющей текстов. По мнению ярославского филолога, именно аспекты композиционного строения выходят на первый план и имеют особое значение в проблеме библейско-христианских мотивов в «Слове...» [3, с. 12–14].

Суть сюжетобразующей концепции «Слова...» сводится к известной антиномии «свет-тьма», причем если в первой половине поэмы «тьма» сознательно «сгущается» автором, то во второй и в особенности ближе к финалу усиливается тема победы «света» над «тьмой» вслед за основополагающими словами Христа, донесенными до нас в Евангелии от Иоанна. Обращаем внимание на тот факт, что «тьма», равно как и все ее синонимы, является не просто отсутствием света, а активным действующим началом, а борьба с врагами автоматически трансформируется в «Слове...» в противостояние «света» и «тьмы». После плача Ефросиньи Ярославны сюжетно композиционный финал «Слова...» начинается словами «Богъ путь кажетъизъ земли половецкой на землю рускую», герои спасаются из плена и возвращаются на родную землю. Филипповский констатирует, что благодаря трудам Перетца, Панченко, Лихачева, Николаева и Смирновой основополагающую в сюжете СПИ роль христианского мотива «свет-тьма» можно считать доказанной [3, с. 19].

Филипповский также приводит целых восемь тезисов, посвященных проблеме сопоставления текстов «Слова...» и англосаксонской эпической поэмы «Беовульф», особо акцентируя внимание на том, что ранее исследователи проводили лишь отдельные параллели между произведениями и приводя доказательства существования полноценной семантической связи между ними [3, с. 31–32].

«Витязь в барсовой шкуре» – эпическая поэма конца XII века средневекового грузинского поэта Шота Руставели. Отдельных исследований, посвященных поиску параллелей между «Словом...» и «Витязем», еще не проводилось, хотя в работах А. Н. Робинсона, В. Д. Кузьмина и В. Ф. Шишмарева были выявлены параллели и соотносительные черты между двумя текстами [2]. В силу того, что оба произведения являются авторскими, а не фольклорными, им присущи рассуждения о выборе жанра или о жанровой номенклатуре. Особенностью вступительной части обеих поэм является смешение

письменно-поэтических и устно-поэтических жанровых форм. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что сюжетообразующим мотивом «Витязя» является противопоставление «света» (как «божественного», так и «света любви», служащего для главных героев в качестве основного мотиватора – у автора они равноценны и взаимно дополняют друг друга) и «тьмы», а мотив победы первого над последней положен в основу финала произведения, что безусловно сближает его со многими другими образцами средневековой эпической книжности, включая и «Слово...», и «Беовульф», и «Песнь о Нибелунгах». Филипповский акцентирует внимание на теме любви как одной из важнейших составляющих сюжета поэмы: победа «света» над «тьмой» выражена в нем свадьбой главных героев (Автандила и Тинатин, Таризэля и Нестан-Дареджии) [1], а мотив божественного света сочетается в финале со средневековой темой идеального правления [2].

Современный российский культуролог, журналист и специалист по истории кельтов Г. В. Бондаренко в своей статье 2008 г. «Hibero-Rossica: «знание в облаках» в древнеирландской и древнерусской мифопоэтической традиции» [5] проводит параллели между древнерусским текстом и изложенным ниже фрагментом древнеирландской рукописи VIII века «Список со снежного холма» (ирл. Cín Dromma Snechta), носящим название «Разговор друида Брана и пророчицы Февала над заливом Лох Февуль» (ирл. Immacallam in druad Brain ocus inna Banfhátho Febuil hóas Loch Fhebuil, далее – IDB) [5, с. 314]. Исследователи давно допускали возможность неправильного прочтения и неверного перевода оригинального текста IDB, вследствие чего истинный смысл оказался утрачен. Поэтому Бондаренко, опираясь на расшифровку британского исследователя Дж. Карни (John Carney), произвел собственную реконструкцию, в результате чего получил следующий перевод:

*Когда мы были в крепости Брана
И тили холодной зимой
Среди людей [мое знание?] связало сильных мужей,
Когда мое знание поднялось к высоким облакам.*

Данный отрывок представляет собой разговор анонимных жреца и провидицы, созерцающих затопленное водами залива Лох Февуль королевство Февала, отца Брана. В разговоре с собеседницей жрец ассоциирует себя со знанием или даже со специфическим «даром» познания (fíus): он вспоминает, как потерпел поражение в битве (причем по контексту становится понятно, что это вовсе не военное сражение), как во время пира в крепости Дун Брань его душа (вернее, знание) покинула тело и поднялась к «высоким облакам», и что сие знание связывает между собой всех воинов. Отметим, что у кельтских

народов функции жреца и провидицы почти всегда совпадали: предсказание будущего не входило в круг их интересов, напротив, они всегда обращали свой взор в прошлое.

СПИ также содержит отрывок со схожим содержанием и композицией, а именно:

О Бояне, соловію стараго времени!

абы ты сїя плъкы ущекоталь,

скача славію по мыслену древу,

летая умомъ подъ облакы,

свивая славы оба полы сего времени,

рищя въ тропу Трояню чресь поля на горы [6].

Полулегендарный поэт и сказитель Боян представлен в поэме как архетипический поэт и провидец, некий «идеальный» сказитель. И в IDB, и в СПИ прослеживается личная неуверенность автора и акцентирование внимания на магическом характере процесса исполнения песни: разум певца СПИ также покидает тело и устремляется к облакам.

Как мы видим, оба отрывка описывают особый вид практик, к которому прибегали древние сказители; выраженные в виде поэтических формул процессы могут считаться маги́ко-шаманскими действиями, еще хорошо известными и в Ирландии VII–VIII вв., и на Руси конца XII века. Проще говоря, исполнение песни является особым ритуалом, совершаемым специальными людьми. Исследователи не сошлись окончательно во мнении, могут ли считаться ирландские друиды (druïd) и славянские «вѣщїи» полными аналогами, ибо последний, в отличие от волхва (вльхвъ), не исполнял жреческих функций. Однако протагонисты и древнерусского, и древнеирландского фрагментов являются поэтами и жрецами в одном лице, следовательно, в контексте СПИ термин «вѣщунъ» может считаться синонимичным «друиду». Общая для обоих текстов поэтическая формула может быть выражена следующим образом: «УМ» летит к «ВЫСОКИМ ОБЛАКАМ» и «СВЯЗЫВАЕТ» «ЧТО-ТО/КОГО-ТО». Ирландский вариант первого элемента формулы «fíus» происходит от протоиндоевропейского корня *uid- (видение, знание). Следует отметить, что ирландское «fíus» зачастую подразумевает метафизическое восприятие; такое знание не усваивается последовательно, а может быть получено только с помощью вдохновения. Древнерусское «умъ» тоже имеет целый ряд значений («дар познания», «мысль», «душа», «знание») и восходит к другому протоиндоевропейскому корню *-au с аналогичным значением.

Второй элемент формулы – «ОБЛАКА» – нуждается в смысловом уточнении. Древнеирландское существительное «nél» является видоизмененным заимствованием из бриттского языка, а бриттское «niwl» восходит, в свою очередь, к латинскому «nibulus». Во всех трех языках данные слова обозначают не только собственно «облако», но и «замешательство», «помутнение рассудка», а иногда и «экстаз». И древнерусский Боян, в

свою очередь, также взлетает «шизымь орломъ подь облакы». Применительно к IDB и СПИ под облаками следует понимать потусторонний мир, но не «неподвижные» небеса, где обитают боги, а скорее один из промежуточных уровней верхнего мира, служащий обителью человеческих мыслей. Отдельного упоминания достоин присутствующий в тексте СПИ орнитологический символизм: Боян ассоциируется либо с соловьем («соловию стараго времени», «скача, славию, по мыслену древу»), либо с орлом («шизымь орломъ подь облакы») и устремляется к облакам именно в птичьем облики. Ирландские друиды и филиды также зачастую связывались с птицами, более того, им предписывались способности превращаться (оборачиваться) в птиц, покидать в таком виде собственное тело и даже переселяться в другое. Распространенным среди них ритуальным одеянием часто служили либо головные уборы, либо целые костюмы из птичьих перьев.

Что касается упомянутого в формуле процесса «СВЯЗЫВАНИЯ», то он больше характерен для древних законодательных памятников и употребляется скорее в переносном смысле: «связь» означает не столько даже «договор», сколько «подготовленность» субъекта к ритуальному действию (пример: индуистское выражение «связанный Сома» (Sóma úpanaddhaḥ), которое обозначает как божество, так и подготовленный ритуальный напиток) [3, с. 329].

Одним из самых примечательных «темных мест» СПИ является фрагмент «РекъБоянъ и ходы на Святъславля пѣтворца стараго времени Ярославля Ольгова коганя хоти: Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы, Руской земли безъ Игоря!», в котором многими исследователями было обнаружено имя предполагаемого создателя «Слова...» - «Ходыны». По данным пятитомной «Энциклопедии «Слова о полку Игореве», его обычно переводят как «Изрекли Боян и Ходына, / оба Святославовы песнотворцы, / старого времени / Ярославова-Олегова / государевы любимцы оба...» (А. Ю. Чернов), а упоминание здесь двух певцов – Бояна и Ходыны – подтверждается, по мнению И. Е. Забелина, наличием формы двойственного числа в слове «пѣтворца». Придворные певцы, по свидетельству Д. С. Лихачева и Д. М. Шарыпкина, могли исполнять свое произведение амебейно, то есть дуэтом, когда строчки стиха поются поочередно. Традиция амебейного пения была широко распространена на Руси, а у карело-финнов сохранялась до начала XIX в.

В то же время, с такой трактовкой были не согласны М. В. Щепкина и А. Ю. Чернов, отмечавшие, что традиция амебейного пения изжила себя уже к середине XI в., а автор «Слова...» не стал бы добавлять к рассказчику еще одного в ходе повествования. А. Ю. Чернов рассматривал слово «ходына» в качестве сфрагиды (упоминания автором самого себя в третьем лице) в тексте «Слова...», а тот факт, что оба сказителя – и Боян, и Ходына –

называются «песнотворцами Святослава», объясняется тем, что они оба состояли при дворе князей по имени Святослав – Святослава Ярославича (1027-1076) и Святослава Всеволодовича Киевского (1123–1194) соответственно. В качестве одного из наиболее известных примеров сфрагиды в литературных произведениях древности Черновым приводится фраза «И это сказал Феоклид» [7]. В целом аргументы, приведенные Черновым, не являются весомыми доказательствами причастности Ходыны к созданию «Слова...», однако исследователи вполне допускают, что Ходына существовал в реальности и мог быть современником Бояна.

Одним из самых интересных и оригинальных примеров толкования «темного места» в «Слове...» является попытка объяснить смысл упомянутых в тексте «Карны» и «Жели/Жли», предпринятая российским ориенталистом К. А. Жуковым [8]. Исследователи прошлого по-разному понимали смысл этих загадочных слов: так, например, Б. А. Рыбаков считал их именами некоего русского аналога валькирий, духов-спутников погребального обряда, О. Сулейменов видел здесь искаженное словосочетание «кара жлан» (в переводе с кыпчакского – черный дракон), а А. И. Попов и вовсе полагал, что речь идет о музыкальных инструментах. Большинство исследователей традиционно считает «Карну» и «Желю» либо гипотетическими божествами (духами) плача и скорби, либо мифологическими персонажами с другими, невыясненными функциями.

Вслед за многими своими коллегами, одну из причин появления фрагментов текста с «темной» семантикой Жуков видит в возможности ошибок, допущенных переписчиками. В Екатерининской копии «Слова...» «Карна» и «Желя» имеют вид «Карнаижля», который Жуков считает метатезой изначального «Жляикарна» или даже «Жлякарнаи». Один из вариантов его объяснения предполагает наличие связи между этим фрагментом СПИ, Библией и Кораном. Жуков приводит параллели между фрагментом «за нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ» и отрывком из Откровения Иоанна Богослова, где говорится о приходе лжепророка, подчиненного Антихристу: «И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога... и творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми» (Отк. 13:11-13). Примечательно, что в 18 суре Корана «Аль-Кахф» Зу-л-карнаин (араб. «двурогий») – великий царь и пророк (часто отождествляемый с Александром Македонским), победитель языческих племен Яджудж и Маджудж и строитель стены, призванной защитить от их вторжения, упоминаемый лишь в этой части Корана в связи с описанием Судного дня, на чем Жуков акцентирует особое внимание. И царь Зулькарнаин, и двурогий спутник Антихриста являются, по мнению Жукова, наиболее убедительными и известными для язычника-половца образами грядущего Страшного суда. Таким образом, благодаря хорошему знанию автором

половецкого фольклора, СПИ стала одним из первых в русской истории произведений, содержащих столь необычную кораническую реминисценцию [8, с. 120–123].

Итак, на сегодняшний день мы располагаем внушительным количеством трудов, связанных с изучением «Слова о полку Игореве». Можно с полной уверенностью говорить о том, что применение метода исторической компаративистики позволило выявить множества связей «Слова о полку Игореве» и литературно-эпических памятников других народов – как индоевропейских, так и представителей других языковых семей, что было наглядно показано в работах Г. Ю. Филипповского и Г. В. Бондаренко. Авторская трактовка лексемы «Ходына», предложенная А. Ю. Черновым, является одной из самых признанных, а семантический анализ одного из «темных мест», представленный в работе К. А. Жукова, позволил обнаружить в тексте «Слова о полку Игореве» реминисценцию на Коран.

Таким образом, современные подходы к изучению данной проблематики не только дополняют старые, но и дают исследователям возможность взглянуть на природу СПИ в новом свете: стало очевидно, что это не только памятник древнерусской литературы, посвященный периферийному сюжету, но и глубоко продуманный автором текст с многочисленными отсылками к мировому культурному наследию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филипповский Г. Ю. Современные проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 2. – С. 157–165.
2. Филипповский Г. Ю. «Слово о полку Игореве» и «Витязь в барсовой шкуре»: аспекты сравнительной поэтики // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2015. – № 3, Ч. 3 (сентябрь). – С. 125–126.
3. Филипповский Г. Ю. Средневековая идентичность «Слова о полку Игореве». – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2014. – 452 с.
4. Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве: (Историко-литературный очерк) // Слово о полку Игореве / АН СССР; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 229–290.
5. Бондаренко Г. В. «Hiberno-rossica: «знание в облаках» в древнеирландской и древнерусской мифопоэтической традиции // Мифы и общество Древней Ирландии. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 311–330.
6. Ироическая песнь о походе на половцовудельного князя Новагорода-Северскаго Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. – М.: в Сенатской типографии, 1800. 46 + VIII с.

7. Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – Т. 1. – 276 с.; Т. 2. – 334 с.; Т. 3. – 387 с.; Т. 4. – 330 с.; Т. 5. – 399 с.
8. Жуков К. А. Ориентализмы и «темные места» в «Слове о полку Игореве» // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 15. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1995. – С. 108–123.

КОТОВА Е. О.

ЛИНГВОТОКСИЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ВИРТУАЛЬНОГО ЖУРНАЛИСТСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ЖАНРА ЛОНГРИД)

Аннотация. В статье приводятся наиболее частотные лингвотоксичные элементы, встречающиеся в текстах лонгридов и оказывающие негативное влияние на ход коммуникации, которые были выявлены в ходе анализа текстов 52 лонгридов на русском языке. Выявляются лингвотоксические явления, представляющие явную угрозу для лингвоэкологичности виртуального журналистского дискурса.

Ключевые слова: виртуальная журналистика, лонгрид, журналистский дискурс, лингвоэкология, лингвоэкологичность, лингвотоксичность, лингвоэкологическая угроза.

KOTOVA E. O.

LINGUOTOXIC PHENOMENA IN ONLINE MEDIA DISCOURSE: A STUDY OF RUSSIAN LONGREADS

Abstract. The article presents the recurrent linguotoxic elements frequently used in longreads. These elements have a negative impact on communication. They were identified through the analysis of 52 Russian longreads. A conclusion is made about linguotoxic phenomena which constitute a clear threat to the linguoecological friendliness of online media discourse.

Keywords: online journalism, longread, media discourse, linguoecology, linguoecological friendliness, linguotoxicity, linguoecological threat.

Основной целью современных лингвоэкологических исследований является изучение способов взаимодействия между языком, языковой личностью и окружающей средой, а также факторов, оказывающих влияние на развитие языка, и последствий этого воздействия, что особенно актуально в рамках виртуальной массовой коммуникации.

К общим закономерностям, характерными для функционирования языка в среде электронной коммуникации и связанными с влиянием этой среды, можно причислить гипертекстуальность, присутствие в текстах черт письменной и устной речи, креализованность текстов, их жанровое и функциональное разнообразие и использование параграфемных средств.

Одной из важнейших характеристик журналистских текстов является лингвоэкологичность, «под которой понимается определенное состояние языковой (речевой) среды, характеризующееся особым образом взаимодействия ее элементов, реализуемыми ими коммуникативными стратегиями, открытостью намерений, ценностной ориентацией, нормативностью, обратно пропорциональной количеству и степени присутствующих в ней

лингвотоксичных элементов, а также иных элементов, представляющих угрозу для языковой среды» [10, с. 5–6]. Чем меньше в тексте лингвотоксичных элементов, а также иных элементов, представляющих угрозу для языковой среды, тем более лингвоэкологичным он является.

Рассмотрим наиболее частотные лингвотоксичные элементы, встречающиеся в текстах лонгридов, которые могут оказывать негативное влияние на ход коммуникации и приводить к коммуникативным сбоям и неудачам.

Исследование текстов 52 лонгридов на русском языке позволило выявить более 300 лингвотоксичных элементов, среди которых значительную часть составили обозначения, связанные с организацией коммуникации в Интернете и структурированием информационных потоков, программной составляющей, элементами субкультур, актуальными процессами виртуальной среды и пр. Приведем некоторые примеры подобных лингвотоксичных единиц из текстов русскоязычных лонгридов.

Значительную часть таких новообразований представляют собой существительные, среди которых широко представлены суффиксальные образования, обозначающие абстрактные явления, процессы и признаки (*оконsoleвание, срубание, блогерство, дегенератство, совковость, виртуальность, экспертность и т.д.*). Часто употребляемые слова, превышающие обычную длину русского слова, подвергаются усечению (*графа (графика), сабы (субтитры), серв (сервер)*). Весьма активны и такие способы словообразования, как универбация (*сетевик, мультяшка, пусяшка, стронцианка, финка, грунтовка, упрощенка, первичка, наличка, многоэтажка, поисковик, силовик, походник*), аббревиация (*МФЦ, МРТ, МЦК, МВА ФФБ РАНХиГС, ФИО*) и сложение (*Минфин, физтех, стилист-имиджмейкер, аккаунт-менеджер, квартира-«трешка», арт-проект, дизайн-бюро, покемономания, многопиксельный, диджитал-агентство, онлайн-стратегия, сельхозземля, сталинобус, квартирография, медиаплан, рыбопромысел*). В словообразовании прилагательных наиболее активными оказываются префиксальный и суффиксальный способы (*антиспамерский, IGN-вский, онлайн-овый, оффлайн-овый, геймплейный, офтопный, прокремлевский, антироссийский, игиловский, евросоюзный, рок-н-рольный, рукобратский, кодаковский, фейсбучная, девелоперский, риелторский, мишленовский, додефолтный, френишизный, СМИшной*).

Производство глаголов также достаточно активно. Хотя большинство глаголов в интернет-коммуникации образуется по присущим кодифицированному языку стилистически нейтральным словообразовательным моделям, можно назвать некоторые закономерности их словообразования. Прежде всего, необходимо отметить активность освоения заимствованной лексики, которая становится производящей базой для глагольных новообразований,

образуемых посредством префиксации и суффиксации (*потроллить, погуглить, твитнуть, перепостить, апгрейдить, банить, геймить, френдить, кайфовать, хипповать*). Рассмотрим ряд примеров.

1. *К сайту прилагался интернет-магазин, но с очень ограниченным **функционалом**: урезанный ассортимент, маркетинговые акции на онлайн-товары не распространялись, у покупателей не было возможности воспользоваться скидками или бонусами* [5].

2. *Вот вам и первый плюс **бутикового** агентства: в большом агентстве с вашим проектом работают три-пять человек, а в маленьком... три-пять человек! Не было никакого урезания **функционала**, нехватки рук и мозгов. Мы просто продолжили работу с клиентом в том же составе*» [4].

В данных примерах использован безаффиксальный способ усечения основы: функциональность → функционал. Усечение основы достаточно широко используется в русском языке, однако этот способ является одним из наиболее лингвотоксичных в рамках текстов журналистского дискурса, так как он приводит к неоднозначности трактовок, что, по мнению психолингвистов, затрудняет процесс понимания текста адресатом. Так, понятие «функционал» может означать:

- 1) числовую функцию, заданную на векторном пространстве;
- 2) *комп. жарг.* набор функций, возможностей, предоставляемых компьютерной программой, библиотекой функций и т. п.;
- 3) *жарг.* перечень обязанностей, выполняемых работником.

В первом примере «функционал» соотносится с понятием из профессионального жаргона IT-специалистов, в то время как во втором оно обозначает круг обязанностей работника. Подобная омонимичность демонстрирует определенную ограниченность языка.

Также необходимо упомянуть о прилагательном «бутиковый», образованного суффиксальным способом, из второго примера. В данном контексте оно имеет значение «относящийся к небольшой коммерческой компании, предоставляющей клиентам индивидуальный сервис». Это значение не закреплено в словарях и не расшифровано в тексте лонгрида, а значит, от неподготовленного читателя потребуются усилия, чтобы адекватно понять информацию, предоставляемую компанией.

3. *Помните историю, когда американский военный корабль «Дональд Кук» (Donald Cook) проходил учения у берегов Черного моря, то над ним кружил истребитель Су-24 и вывел его приборы из строя. Так вот, это наша «**сушка**» летала над перепуганными тиндосами* [2].

Существительное «сушка» представляет собой военный жаргонизм, обозначающий модель самолета Су-24. Он омонимичен названию традиционного русского хлебобулочного

изделия и образован суффиксальным способом. Это преобразование объясняется тем, что в современном русском языке наблюдается движение от создания единиц, не похожих на обычные слова, к созданию аббревиатур, напоминающих слова далекой семантической сферы вплоть до полной омонимии.

4. Мы ведь не только **сухпайки** возили, но и **БП – боеприпасы** значит [2].

Обратную тенденцию можно увидеть в другом примере из того же лонгрида. «БП» объясняется в самом тексте как буквенная аббревиатура от существительного «боеприпас», которое, в свою очередь, представляет собой сложносокращенное слово, состоящее из начальной части первого слова и целого второго слова – «боевой припас». Употребленное тем же героем лонгрида сложносокращенное слово «сухпайки» («сухие пайки») позволяет предположить, что тенденция к аббревиации характерна для всего армейского сленга ввиду очень большого количества аббревиатур даже среди стилистически нейтральной профессиональной лексики. Кроме того, такое активное употребление аббревиатур может служить признаком неспособности или нежелания автора заменить данный способ речевого творчества использованием синонимов или различных других способов словообразования.

5. Эту запись также **перепостили** многие пользователи (в том числе, публицист Егор Холмогоров) [2].

В интернет-коммуникации обнаруживает высокую продуктивность тип отсубстантивных глаголов с суффиксом -и(ть), обозначающий разные виды отношения действия к предмету, названному производящей основой. Например, глагол постить образован от основы пост (от англ. post – «сообщение электронной почты») и имеет значение «публиковать сообщение», а в свою очередь прибавление приставки **пере-** со значением повтора действия образует глагол «перепостить» – разместить повторно пост (сообщение, заметку в интернете), обычно чужой с ссылкой на первоисточник.

6. Тогда же появилось и понятие субаренды: когда снимавший **квартиру-"трешку"** мог одну из комнат переуступить, например, бедному студенту; а тот, в свою очередь, пускал к себе на ночлег сокурсника, сдавая ему в этой комнате "угол"[3].

Существительное «квартира-«трешка» возникло путем сложения двух производящих слов, второе из которых представляет собой универбат, образованный с помощью интерфиксации. Основной сферой использования таких универбатов является разговорная речь.

7. 5-6 лет назад «стартапы» стали входить в моду, о них начали писать в СМИ, открылся центр Digital October на «Красном октябре», и **стартап-культура** из нишевой стала превращаться в массовую. **Стартап-движение** – это ответ на зарождающийся спрос на бизнес в сфере высоких технологий, которые вошли в сферу интересов инвесторов

*и активно поддерживались государством. Стартаперами стали называться довольно молодые, продвинутые люди **интернет-культуры**, умевшие придумывать **бизнес-идеи**, связанные с технологиями, достаточно открытые и космополитичные [9].*

Таким образом, можно отметить, что техническая, информационная и коммуникативная специфика компьютерно-опосредованного дискурса обуславливает словообразовательные особенности исследуемых лингвотоксичных элементов в текстах лонгридов. Словообразование в исследуемых текстах выполняет номинативную, экспрессивную, конструктивную и компрессивную функции.

Что касается синтаксического уровня языка текстов жанра «лонгрид», то здесь мы можем отметить, что для лонгридов также характерны такие языковые проблемы, ставшие общими для других текстов электронной коммуникации, а именно: тенденция к демократизации языка (экспансия устной речи, усиление личностного начала); иноязычное давление; стилевая диффузность при преобладании просторечных и жаргонных средств выражения; замена графического кода пиктографическим; использование, наряду с кириллицей, латинской графики [1, с. 43].

Результаты проведенного анализа текстов жанра «лонгрид» показали, что явными лингвоэкологическими угрозами для виртуальной журналистики выступают:

- 1) чрезмерное употребление терминов, требующих от читателя специальных знаний;
- 2) использование разговорных форм и конструкций;
- 3) обилие сложных слов, аббревиатур и окказионализмов, требующих расшифровки автора текста;
- 4) активизация просторечных и жаргонных моделей словообразования;
- 5) рост числа универбатов;
- 6) злоупотребление сложными предложениями, переполненными различного типа придаточными;
- 7) стилевая диффузность текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова Э. Н. Лингвоэкологическая интерпретация активных процессов в современном русском языке // Вестник Марийского государственного университета. – 2016. – № 3 (23). – С. 40–44.
2. Вежливые люди // Интернет-издание «Meduza» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://meduza.io/special/polite/who> (дата обращения 14.04.2020).

3. Дом для петербургской элиты: сегодня и сто лет назад // Интернет-газета «Фонтанка.Ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/longreads/luxury/> (дата обращения 14.04.2020).
4. Как мы выросли из большого агентства в маленькое [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vc.ru/29063-kak-my-vyrosli-iz-bolshogo-agentstva-v-malenkoe> (дата обращения 14.04.2020).
5. Как перенести успешные практики из офлайна в онлайн. Интеграция интернет-магазина с ERP и CRM // Блог «AniArt» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aniart.com.ua/blog/detail/intertop/> (дата обращения 14.04.2020).
6. Калмыков А. А., Коханова Л. А. Интернет-журналистика. – М.: Юнити-Дана, 2005. – 384 с.
7. Максимова О. Б. Язык в интернет-коммуникации: общие закономерности и национально-культурные особенности (на материале русского и английского языков) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2010. – № 3. – С. 74–90.
8. Молчанова Г. Г. Лингвоэкология и современное состояние языка // Вестник Мос. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. – 2016. – № 2. – С. 47–54.
9. Поколение // Интернет-газета «Lenta.Ru» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://age.lenta.ru/generation/> (дата обращения 14.04.2020).
10. Потеряхина И. Н. Лингвоэкологические характеристики англоязычной виртуальной корпоративной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2015. – 185 с.

ЕРШОВА Н. И., ЛИЯСКИНА Д. И.
СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ,
ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВНЕШНИЙ ОБЛИК ЧЕЛОВЕКА,
В РУССКИХ ГОВОРАХ МОРДОВИИ

Аннотация. В статье представлена семантическая классификация прилагательных, отражающих внешний вид человека, в русских говорах Мордовии, определены их отдельные подгруппы. Выявлена общая специфика наименований рассматриваемой лексико-семантической группы на диалектном материале в сопоставлении с литературным языком.

Ключевые слова: говоры, родовидовые отношения, диалектная лексика, значение, имя прилагательное, лексико-семантическая группа.

ERSHOVA N. I., LIYASKINA D. I.
SEMANTIC CLASSIFICATION OF ADJECTIVES
OF HUMAN APPEARANCE IN RUSSIAN DIALECTS OF MORDOVIA

Abstract. The article presents a semantic classification of adjectives describing human in Russian dialects of Mordovia. The individual subgroups of the adjectives are defined. The common features of the dialect and Russian literary items of the lexical-semantic group are revealed.

Keywords: dialects, gender relations, dialect vocabulary, meaning, adjective, lexico-semantic group.

Лексико-семантическая группа прилагательных, характеризующих внешний облик человека, включает в себя языковые единицы, семантика которых называет признак человека по его внешности. Данные наименования становились объектом внимания лингвистов крайне редко. Так, достаточно подробная семантическая классификация указанных прилагательных в литературном русском языке представлена в работе А. Н. Шрамма [4]. Прилагательные, называющие лиц по внешнему облику, согласно данной классификации могут обозначать: 1) цветовые признаки тела человека, так и отдельных частей человеческого тела; 2) фактуру поверхности тела человека с точки зрения наличия / отсутствия на нем чего-либо; 3) особенности строения тела человека (данную группу можно разбить на три подгруппы, которые обозначают: признак, характеризующий наличие / отсутствие подкожного жирового слоя на теле человека; признак, указывающий на форму, очертания тела человека; признак, характеризующий форму, очертания человека по какой-то характерной части тела: а) лицо, б) тело); в) размеры тела человека [4].

Внешность – это наружный облик человека, следовательно, в понятие внешности входят фигура человека, её особенности, лицо, волосы, части тела, одежды. Прилагательные,

характеризующие внешний облик человека, объединены значением «признаки наружного облика человека». Данная семантика и послужила основанием для отбора языковых единиц из «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия», весьма разнообразных в лексическом плане [3].

С учетом семантической классификации прилагательных, характеризующих внешний облик человека, предложенной в работе А. Н. Шрамма, рассматриваемые диалектизмы, функционирующие в русских говорах Мордовии, можно разделить на несколько групп.

1. Прилагательные, характеризующие внешний облик по признаку его привлекательности / непривлекательности:

1) с привлекательным, красивым внешним обликом:

Баский. 1. Имеющий красивую внешность (о человеке). Дефка у шабров *баска* (Кулишейка Рузаевский район).

Рахманный. 1. Красивый, миловидный. Паринь он *рахманный* (Большие Поляны, Ардатовский район).

Умильный. 1. Красивый, привлекательный. Да чаво Марфа *умильна*! (Максимовка, Инсарский район);

2) с непривлекательным, некрасивым внешним обликом:

Аслямый. Некрасивый, непривлекательный. Муш у ей *аслямый*, да ни пьёт. (Горки, Большеигнатовский район).

Немудрящий. 1. Невзрачный, непривлекательный. Мужик у ей хоть и *нимудрящий*, а калган-ть у ниво варит. (Рожновка, Ичалковский район).

Неприглядчивый. Имеющий непривлекательную внешность. Он-ть харошый, а ана-ть *ниприглядчыва*. (Горки, Большеигнатовский район).

Несправский. 2. Имеющий непривлекательную внешность. Больнь *ниспрафская* у ниво жана, прям паглідеть не на што. (Сиалеевский Майдан, Инсарский район).

Околомный. Некрасивый, уродливый. Ленкь как астрыглась, прямь *акаломна* како-ть стала. (Гумны, Краснослободский район).

Функционирование прилагательных внешности в разговорной речи помогает более глубоко раскрыть менталитет деревенского жителя. Как видим, человек с непривлекательной внешностью вызывает у диалектоносителей жалость, сожаление, сочувствие. Поэтому во многих случаях, говорящий, оценив внешность, отметив, что она непривлекательна, сразу же пытается подчеркнуть, что у человека с такой внешностью есть более весомые достоинства, за которые его следует ценить.

2. Прилагательные, характеризующие внешний облик человека по росту:

1) высокого роста:

Дигилястый. Высокий, худой, неуклюжий. Ну и *дигиляста* дефка растет (Летки, Старошайговский район). Васька у них *дигилястый* растет (Рязановка, Старошайговский район).

Озаренный. 2. Высокого роста и крепкого сложения. *Азареннъя* бабица, што и гъварить. (Новоямская Слобода, Ельниковский район).

Поставный. Высокий, стройный. У Витьки жына кака *паставна*. (Муравлянка, Ельниковский район). *Дефкъ паставнъя* ростом была. (Ожга 2, Старошайговский район).

Стяблый. 2. Высокого роста, долговязый. Дочька у ней замуш вышла, нашла каково-ть *стяблого* (Солдатское, Ардатовский район);

2) невысокого роста:

Коряжистый. Малорослый и плотный по сложению, приземистый. Какой сосет-ть *каряжыстый* (Грибоедово, Кочкуровский район).

Мухрастый. Малорослый, невзрачный. Зъ *мухрастых* ни пашла, а хорошы-ть ни сватьли. (Тазино, Большеберезниковский район).

Недорослый. Небольшого роста. Муш *нидарослый* был (Тазино, Большеберезниковский район).

Следует отметить, что прилагательные данной подгруппы, помимо указания на рост человека, имеют дополнительную характеристику внешности человека – по особенностям фигуры (*дигилястый*, *озаренный*, *поставный*) либо общей внешней непривлекательности (*мухрастый*).

3. Прилагательные, характеризующие внешний облик человека по фигуре:

1) по признаку полноты, упитанности:

Букленистый. Толстый, полный. Посли фтарых родоф я *буклениста* стала (Кулишейка, Рузаевский район).

Сбитый. Полный, упитанный. У Тamarки мальчишка млатшый *збитый* (Атемар, Лямбировский).

Телесный. Толстый, упитанный. Ванька у нас самый *телесный*, я тожь *телесна* (Кользивианово, Краснослободский район).

Ужастенный. 2. Очень полный, толстый. Баушка у вас *ужастенна*, ие в три дни ни абъедиш (Говорово, Старошайговский район);

2) по признаку неполноты, худобы:

Безмясый. Очень худой, тощий. Паринь у них как дигиль, *бизмясый*. – Да у них фсе в раду *бизмясы* (Смольково, Лямбировский район).

Обтесанный. Худой, тощий. Гърацкая ты, зато и *аптесана* така. *Аптесаны* дефки там в моди. (Новые Русские Пошаны, Ельниковский район).

Сохущий. Худой, тощий. *Я уш сафсем* сахуща стала (Нагаево, Инсарский район).

Стялый. Тощий, худой. Кармлю иво, кармлю, а он все *стялый* (Енгальчево, Дубенский район).

Сухолядый. Худой, тощий. Ну, *сухалядый* – еть худой чилавек, сухапарый. (Усыкино, Инсарский район);

3) по какому-либо положительному признаку/признакам фигуры (стройность, сила, статность, крепость):

Аккуратный. 1. Статный, стройный. Петькъ-тъ у нас паринь *аккуратный*, вот ы кастюм как нъ няво шыли (Горайновка, Кочкуровский район).

Коренной. 3. Сильный, крепкого сложения. Выбрали нас самых *къренных* чотыре чълавека из батальена (Ташкино, Ичалковский район).

Куратный. 1. Стройный, хорошего телосложения. У вас Петька-тъ выръс большой дъ *куратный* (Говорово, Старошайговский район).

Солуцой. 2. Крепкий, здоровый. Глянь-къ он какой *солуцой*, жаром пышът ат ниво. (Шаверки, Краснослободский район).

Твердый. Крепкий, физически здоровый. Шабер мой большой, *твердый* мужык был (Воеводино, Кочкуровский район);

4) по какому-либо отличительному признаку части тела:

Грудистая. С большими грудями. Вон баба какая *грудистая* (Марьино, Торбеевский район)

Долголягий. Длинноногий. Васька у них *дългалягий* растет (Рязановка, Старошайговский район).

Так, по наименованиям данной семантической подгруппы и их многочисленности можно сделать вывод, что у сельских жителей ценится полная, дородная женщина или крепкий, полный, сильный мужчина. Подчеркивается, что именно такое телосложение позволяет полноценно заниматься сельским трудом, быть хорошей матерью, продолжательницей рода и т. п. [2]

4. Прилагательные, характеризующие внешний облик человека по наличию изъянов / недостатков фигуры, тела, его частей:

1) с изъянами / недостатками лица:

Карзубый. Не имеющий одного или нескольких зубов. Дефка у ей *карзубья* (Резановка, Старошайговский район).

Кляпоносый. С изуродованным носом. У нас мужык с вайны пришел *кляпоносый*, к ниво палавины назри нет (Суподеевка, Ардатовский район).

*Суровый*¹. Имеющий рябины, рябой. Ой, кака баба *сурова*! (Большие Поляны,

Ардатовский район).

Трегубый. 1. С заячьей губой. Этъ дефкъ *тригуба*, ей перацыю будут делать (Мельцаны, Старошайговский район);

2) с изъянами / недостатками конечностей:

Култыногий. Хромой. Паринь-ть с дефкой *кълтыногий* (Старая Федеровка, Старошайговский район).

Холукатый. Хромой. Он упал, типерь *холукатый* (Апраксино, Чамзинский район).

Храменький. Хромой. Хараша дифчонка, тока *храменька* (Горайновка, Кочкуровский район).

²*Шеболястый*. Изуродованный, покрытый шишками. Руки у миня *шибалясты* (Суподеевка, Ардатовский район);

3) с изъянами / недостатками фигуры, тела в целом:

Сувилистый. Сутулый. На *сувилистьвъ* нарят одень, а он фсе ни гош (Говорово, Старошайговский район).

Суглобенький. Горбатый. Паринь-ть маладой, а *суглобенькый*, как старик. Она уш на старости *суглобинька* стала, ели хадила. (Большие Поляны, Ардатовский район).

Улогий. 1. Увечный, искалеченный. У миня муш *улогий* пришол с войны (Трофимовщина, Ромодановский район).

5. Прилагательные, характеризующие внешний облик человека по особенностям лица:

1) по форме лица, его частей:

Рыластый. Толстощекий. У них дефкъ кака *рыласта*. (Муравлянка, Ельниковский район).

Узколезий. Узколицый. Он у них адин такой *узколезий* (Суподеевка, Ардатовский район).

Щепетненький. Круглолицый, с ямочками на щеках. На *щепетненьку* дефку фсе любуюцъ (Покрышкино, Ромодановский район);

2) по форме глаз:

Болеглазий. 1. Большеглазий. Знаиш ты иво, *бълиглазий* такой, чирнявый (Енгалычево, Дубенский район);

3) по форме носа:

Курноватый. Курносый. У миня муш был *курноватый* (Гуляево, Ичалковский район).

Сунозий. Курносый. Какой мальчишка у их *сунозий*. Этъ чия така дифчонкъ *суноза*? (Муравлянка, Ельниковский район).

Как видим, диалектизмы данной семантической подгруппы довольно малочисленны и практически не вступают в парадигматические отношения с другими прилагательными, отражающими внешний облик человека.

6. Прилагательные, характеризующие внешний облик человека по особенностям волос:

Сбористый. Кудрявый. У нашъй Галины уш больнъ *збористый* сын был. (Белотроицкий, Лямбирьский район).

Сосулистый. Косматый. Пастригись маненькъ, какой *сасулистый* (Кочелаево, Ковылкинский район).

Чупрастый. Вихрастый, лохматый. Ани все *чупрасты* ходют (Новоямская Слобода, Ельниковский район).

7. Прилагательные, характеризующие внешний облик человека по цветовым признакам:

1) тела человека целиком:

Жеганый. Черный от загара. Ой, как ты загарел, прям *жеганый* стал (Грибоедово, Кочкуровский район).

Закаленный. 2. Загорелый. Приедут дамой вон каки *закалены* (Большие Поляны, Ардатовский район).

Котленный. Темный, почти черный (о теле человека). Дочь у ние *катляннъ* (Куракино, Ардатовский район);

2) отдельных частей человеческого тела:

Белесовый. 2. С очень светлыми волосами, бровями, ресницами. Глянъ, дефка-тъ кака *билесавая* (Мичурино, Чамзинский район).

Брысой. Белобрысый, со светлыми волосами. Дефка *брысая*, но хороша. (Куликово, Краснослободский район).

Рудой. Рыжий. Я сам светлый, старухъ тожъ, а сын старший *рудой* (Кулишейка, Рузаевский район).

Черменный. 1. Чернобровый. Дефкъ *чирменнъ*, хороша (Новоямская Слобода, Ельниковский район).

Черменный. 2. Черноволосый и черноглазый. За мной адин паринь *чирменный* бегал (Суподеевка, Ардатовский район);

8. Прилагательные, характеризующие внешний облик человека внешность человека по качеству его одежды:

1) хорошего качества:

Манерный. Модный, одевающийся соответственно последней моде. Дефкъ у нис была очень *манерная*. (Матвеево, Темниковский район).

Обрядный. Красиво одетый. Гляди, какой *обрядной* пашол (Большие Поляны, Ардатовский район). Кады *абрядныя* дефка идет, и глидеть гожи. (Лаврентьево, Темниковский район).

Урядный. 1. Красиво одетый, нарядный. *Урядны* дочки у нево (Русское Давыдово, Кочкуровский район).

Уряженный. То же, что урядный в 1 зн. Ф праздники фвсе *уряжены* ходим (Тарханы, Ичалковский район);

2) плохого качества:

Обтерханный. Оборванный, в рваной одежде. Вирнецць с улицы *антерхъный* весь, как словнь сабаки иво драли. Другии тожь што ль *антерхъныи* дамой приходят (Кулишейка, Рузаевский район).

Трунястый. Оборванный, плохо одетый. Всигда *трунястый* ходит (Горяйновка, Большеигнатовский район).

Шебонястый. Оборванный, плохо одетый. Ты при людях ни хади *шьбанястый* (Селищи, Краснослободский район).

Подчеркнем, что подгруппа прилагательных, характеризующих внешность человека по качеству его одежды, также важна для понимания менталитета деревенских жителей. Так, хорошая, добротная одежда на человеке – это не только показатель его положительных качеств, но и показатель достатка и умелого ведения хозяйства. Такие прилагательные носят дополнительный оттенок явного одобрения диалектоносителя.

Как видим, диалектные прилагательные, характеризующие внешний облик человека, образуют достаточно четко очерчиваемую группу слов, внутри которой языковые единицы связаны разными лексико-семантическими связями (чаще всего синонимическими) [1]. Структурно-семантический анализ показал, что данные прилагательные подразделяются по своему значению на восемь групп, которые довольно разнообразны. Прилагательные, характеризующих внешний облик человека, в русских говорах Мордовии имеют особую сферу употребления – они используются только в разговорной речи деревенских жителей. Употребляясь в диалектной речи, прилагательные, характеризующие лиц по внешнему облику, не только описывают внешность человека, но и дают оценку человеку по его внешнему виду: а) положительную или б) отрицательную. Следовательно, функционирование рассматриваемых лексем со значением внешности помогает более глубоко раскрыть менталитет диалектоносителей, образ их мыслей, нравов и норм сельской жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ершова Н. И., Лияскина Д. И. Лексико-семантические связи русских диалектных прилагательных, отражающих внешний вид человека [Электронный ресурс] // Огарев-online. – 2019. – №8. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/leksiko-semanticheskie-svyazi-russkix-dialektnyx-prilagatelnyx-otrazhayushhix-vneshnij-vid-cheloveka> (дата обращения 03.04.2020).
2. Ершова Н. И., Морозова Г. В. Явление синонимии в лексико-семантической группе русских диалектных эмотивов, характеризующих внешний облик женщины [Электронный ресурс] // Огарев-online. – 2016. – №9. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/yavlenie-sinonimii-v-leksiko-semanticheskoy-gruppe-russkix-dialektnyx-emotivov-kharakterizuyushhix-vneshnij-oblik-zhenshhiny> (дата обращения 03.04.2020).
3. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2-х ч. – СПб.: Наука, 2013. – Ч. 1. – С. 1–672. – Ч. 2. – С. 673–1560.
4. Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). – Л.: Просвещение, 1979. – 134 с.

РАСЛОВА А. А.

«СКАЗКА О ЦАРЕВИЧЕ ХЛОРЕ» ЕКАТЕРИНЫ II:

ВЗАИМОСВЯЗЬ ФОЛЬКЛОРНОГО И ЛИТЕРАТУРНОГО НАЧАЛ

Аннотация. В статье рассматривается «Сказка о царевице Хлоре» Екатерины II с точки зрения переплетения фольклорного и литературного начал. В качестве фольклорного начала выделяются мотивы испытания, пути, выбора, композиционные особенности. К литературным чертам относятся аллегорический персонаж Рассудок, придуманные имена героев: Фелица, Хлор, Лентяга-Мурза, Брюзга, а также безусловная опора на традицию французской салонной сказки.

Ключевые слова: творчество Екатерины II, жанр сказки, фольклорное начало, литературность, эпоха Просвещения, автор, герой.

RASLOVA A. A.

"THE TALE OF TSAREVICH KHLOR" BY CATHERINE II:

CORRELATION OF FOLK AND LITERARY TRADITIONS

Abstract. The article considers "The Tale of Tsarevich Khlor" by Catherine II from the point of view of the interweaving of folklore and literary traditions. Folklore features include the plots of ordeals, paths, choices and some compositional elements. Literary features include the allegorical character Reason, the imaginary names of characters Felica, Khlor, Lentyaga-Murza, Bruzga and an appeal to the tradition of the French salon fairy tale.

Keywords: literary works of Catherine II, fairy tale, folklore basis, literary basis, age of Enlightenment, author, book character.

Екатерина II – великая российская императрица, царствование которой стало одним из самых значимых периодов в русской истории. Правительница известна своими достижениями не только в сфере политики, но и в сфере культуры. Из-под пера Екатерины II вышло довольно большое число произведений разных жанров [2]. Особое место в литературном творчестве великой императрицы занимают сказки.

Одним из самых значимых произведений императрицы является галантная «Сказка о Царевице Хлоре», в которой прослеживаются мотивы салонных сказок [1]. Она появилась в печати в 1781 году.

«Сказка о Царевице Хлоре», также как и «Сказка о Царевице Февее», была предназначена для внуков императрицы – будущего императора Александра I и Константина Павловича. Это философские произведения, которые содержат советы и нравоучения [3]. Цель сказок – воспитание достойных наследников престола.

По приезде в Россию Екатерина стала активно изучать культуру страны, в том числе и фольклор, к которому она оставалась равнодушной и после вступления на престол в 1762 году, когда новый статус открывал ей возможности писательства. Однако действительно свободной Екатерина II ощущает себя лишь в 1780-х гг., после присоединения к России Крыма, когда ее статус, вместе с ростом мощи Российского государства, действительно возрастают, а сама она может предстать в придуманном ею образе восточной царицы в сказке, совмещающей фольклорные и литературные начала.

В «Сказке о Царевиче Хлоре» явно присутствуют мотивы из устного народного творчества. Например, характерный для фольклорной сказки мотив испытания: *«Сыщи мне, пожалуй, цветок розу без шипов, что не колется; дядька тебе покажет обширное поле, сроку же даю тебе трои сутки»* [5, с. 265]; мотив пути и выбора: *«Тут увидел Хлор перед собою множество дорог: иные прямо лежащие, иные с кривизнами, иные перепутанные. Дитя не знал сначала, по которой идти»* [5, с. 267]. Так же в сказке присутствуют фольклорные числа три (*«три-дневное празднество»*, *«трои сутки»*) и семь (*«...семерых нянь разумных и в детском воспитании искусных»*) [5, с. 260]. Автор использует обязательные для фольклорной сказки зачин *«жил да был»* и концовку *«Здесь сказка кончится, а кто больше знает, тот другую скажет»* [5, с. 277].

«Сказка о царице Хлоре» сочетает в себе черты не только фольклорной, но и литературной сказки. Произведение является авторским и имеет зафиксированный текст. Автор останавливается на описаниях места действия, облике и характере героев, но все же, больше уделяет внимание необычным событиям, происходящим с ними. Екатерина II проводит параллели между сказочным и реальным миром, тем самым подчеркивает негативные стороны существующей действительности.

«Сказка о Царевиче Хлоре» состоит из следующих элементов сюжета: экспозиции, завязки, развития действия, кульминации и развязки. Экспозицией в произведении является похищение юного царицы. Далее следует завязка, где хан дает мальчику приказ *«искать розу без шипов, что не колется»*. Именно после этого начинаются все основные события произведения. В ходе развития действий мы узнаем о нелегком пути ребенка. В кульминации главный герой взбирается на гору, находит цветок и срывает его. Развязкой служит возвращение мальчика к родителям.

Главным героем сказки является Хлор – красивый и умный цариц: *«Повсюду слух носился о его красоте, уме и хороших дарованиях»* [5, с. 260]. В своем юном возрасте он уже может ходить и даже знает правила этикета: *«Вошел в ханскую кибитку, всем поклонился, во-первых, хану, потом около стоящим направо и налево, после чего стал перед ханом с почтительным, учтивым и благопристойным таким видом, что всех киргизцов и самого*

хана в удивление привел» [5, с. 254]. Похищение Хлора ханом становится проверкой его личностных качеств.

Существенную роль в становлении главного героя играют Фелица и Рассудок. Фелица (с латинского – «счастье») – *«дочь ханская, которая была замужем за Брюзгой султаном. Сей никогда не смеялся и сержился на других за улыбку, ханша же была нрава веселого и весьма любезна»*. Она *«жалует, посещает и не оставляет»* крестьян, которые впоследствии помогут путникам. Именно она сначала хочет отправиться вместе с царевичем, но, после запрета хана, отправляет с Хлором своего сына, но при этом дает мальчику наставления: *«Как пойдешь искать розу без шипов, которая не колется, встретишься с людьми весьма приятного обхождения, кои стараться будут тебя уговорить идти с ними, накажут тебе веселий множество и что они то провождают время в бесчисленных забавах; не верь им, лгут, веселия их мнимые и сопряжены со множеством скук. За сим придут другие, кои о том же еще сильнее тебя просить будут; откажи им с твердостью: отстанут. Потом войдешь в лес, тут найдешь льстивых людей, кои всячески стараться будут приятными разговорами отвести тебя от истинного пути; но ты не забудь, что тебе единой цветок, розу без шипов и которая не колется, искать надлежит»* [5, с. 266]. Образ Фелицы включает в себе образ самой императрицы. Позднее в 1782 году Державин пишет свою знаменитую оду, посвященную этой великой «ханской дочери» [4].

Рассудок – сын ханши сопровождает царевича на протяжении всего пути. Екатерина не случайно указывает проводником главного героя Рассудок, ведь именно он способен отличить добро от зла и вести царевича по истинному пути: *«Пойдем по прямой дороге, по которой не все ходят, хотя она пригожее других... для того, что на других дорогах останавливаются или сбиваются... дорога сия называется благорасположенных души младенчества, она хороша, да кратка»* [5, с. 268].

К эпизодическим персонажам можно отнести Ленятя-мурзу, Честность и Правду, крестьян, учителя и учеников. Ленятя-мурза, как и многие другие герои произведения, имеет говорящее имя – он сам ленится и призывает к этому путников. Крестьяне же наоборот являются воплощением людей рабочих, трудолюбивых, которые говорят, что терпением одним преодолевается труд [5, с. 273]. Честность и Правда помогают царевичу и Рассудку подняться на гору – дают им посохи, тем самым автор подчеркивает, что благодаря этим качествам можно достичь добродетели.

Внесценическими персонажами являются придворные люди хана, которые предстают перед нами подлыми трусами и льстецами. Екатерина рисует здесь образы своих подданных и недоброжелателей, которых ранее она высмеивала на страницах сатирических журналов.

Сказка насыщена аллегориями. Герой входит в «превеликий зверинец» через калитку. Эта калитка отделяет мир обыденный, где находится ханство, и мир волшебный, где должна находиться роза. Примечательно, что с сыном Фелицы главный герой встречается уже в мире волшебном. Роза, за которой отправился герой, является аллегорией добродетели («не что иное значит, как добродетель»).

Произведение заканчивается характерным для сказки счастливым финалом. Царевич Хлор достигает поставленной цели – находит розу, то есть достигает добродетели. Герой проходит характерный для фольклора путь инициации и становится достойным наследником престола.

Синтез фольклорных мотивов и их литературного оформления Екатерина II подчёрпнула из мира галантных сказок Шарля Перро. Трудно сказать, кто явился основоположником авторской сказки, но именно сказочное наследие Перро оказало заметное влияние на творчество братьев Гримм, Виктора Гауфа, Г.-Х. Андерсена.

Одной из характерных особенностей произведений Шарля Перро является неразрывное единство сказочного мира и реального. Эту особенность Великая императрица привнесла и в свои работы. Основываясь на произведениях великого сказочника, Екатерина в своих сказках делала установку на развлекательность и на моралистические выводы.

Таким образом, можно сделать вывод, что «Сказка о царевиче Хлоре» является самым одним из самых популярных произведений Екатерины II. Она успешно сочетает в себе элементы литературной и фольклорной сказок и соответствует дидактическому характеру эпохи Просвещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова Т. И. Жанровые и сюжетные источники «Сказки о Хлоре» Екатерины II как компоненты ее смысла // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 4. – С. 192–195.
2. Акимова Т. И. Литературное творчество Екатерины II: «галантный диалог» в системе авторских стратегий (истоки, функции, жанры): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2015. – 41 с.
3. Акимова Т. И. Литературный диалог Екатерины II и Г. Р. Державина об отношениях монархии и дворянства («Сказка о царевиче Хлоре») и державинский цикл стихотворений о Фелице) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Филологические науки. – 2010. – № 5 (59). – С. 134–138.

4. Кравченко О. А. «Сказка о царевиче Хлоре»: пути развития ее образно-аллегорического строя в оде Г. Р. Державина «Фелица» // Имагология и компаративистика. – 2015. – № 1. – С. 91–104.
5. Сказки русских писателей для детей: сб., изд. Редакцией газ. «Киевское слово». – 2-е изд. – Киев, 1893. – [2], II. – С. 259–278.

ХОЗЯЙКИНА А. В.

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЕДА»
В РУССКИХ ГОВОРАХ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

Аннотация. В статье представлен разноаспектный анализ фразеологических единиц, входящих в состав фразеосемантического поля «кушанья и продукты питания» в русских говорах Республики Мордовия. Выявляются семантические, грамматические, структурные особенности рассматриваемых единиц, их эмоционально-экспрессивные возможности.

Ключевые слова: диалектология, фразеологизм, диалектная картина мира, фразеосемантическое поле, семантика, структура.

HOZYAIKINA A. V.

**IDIOMS OF FOOD IN THE RUSSIAN DIALECTS
OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA**

Abstract. The article presents an analysis of phraseological units of the lexical-semantic group of meals and food products used in the Russian dialects of the Republic of Mordovia. The semantic, grammatical, structural features of the units and their emotionally expressive capabilities are studied.

Keywords: dialectology, idiom, dialectal worldview, phraseosemantic field, semantics, structure.

Диалектная фразеология – это часть фразеологии национального языка, которая создается и живет в речи народных масс, не случайно именно в ней ярко отражаются национальные черты того или иного этноса. Диалектная фразеология богата и разнообразна, однако до настоящего времени отдельные вопросы фразеологии говоров требуют тщательного теоретического и практического изучения. По мнению исследователей, именно фразеологизмы являются отражением национальных, этнических, культурных особенностей, так как возникают в языке благодаря образным представлениям о действительности.

По утверждению Е. В. Брысиной, «в основу формирования и отбора диалектных фразем в процессе внутридиалектной коммуникации положен ценностно-смысловой критерий, что является показателем ценностно-характеризующего отношения диалектоносителей к окружающей действительности – стремления к активному освоению познанного, преобразования его в соответствии со своими ценностными ориентирами, коллективными представлениями, этнокультурными стереотипами и ментальными установками» [1, с. 23]. Так, можно сделать вывод о том, что фразеологическую оболочку в

языке получают только те явления действительности, предметы быта или образы, имеющие наибольшую значимость для человека на определенном этапе исторического развития.

Пища – это неотъемлемая часть человеческой жизни, то, без чего организм не может функционировать, и то, чему уделяет большое внимание на протяжении всего времени существования на Земле. Приготовление пищи является одной из важнейших разновидностей практической деятельности человека, поскольку названия блюд, отношение к еде, оценка ее качества глубоко связаны с культурой народа и отражают особенности национального сознания. Как отмечают исследователи, «фразеосемантическое поле «еда» представляет собой довольно интересный фрагмент диалектной картины мира, демонстрирующий не только семантические и грамматические особенности диалектных фразеологических единиц, но прежде всего черты этнического и культурного своеобразия» [5, с. 189]. В связи с этим нам представляется интересным рассмотрение фразеосемантического поля, характеризующего особенности кушаний и продуктов питания в русских говорах Республики Мордовия. Наименования кушаний, функционирующих в русских говорах Мордовии, изучались на основе фразеологического корпуса [5], а также на лексическом материале в разных аспектах: словообразовательном [3], семантическом [4; 1], грамматическом [2].

Рассматриваемые фразеосочетания характеризуются семантическим разнообразием: сюда можно отнести названия кушаний, различных продуктов; оценку качества пищи; отношение человека к еде, этапы приготовления пищи. Диалектная номинативная группа, прежде всего, представлена названиями продуктов жизненной важности и первой необходимости (хлеб, масло, молоко), продуктов повседневного потребления (сало, картофель, капуста); названия собственно приготовленных кушаний составляют небольшую подгруппу и включают наименования каши и пирогов. Жители мордовской деревни – православные, поэтому основными в повседневной жизни являются постные блюда (разнообразные каши, картофель, капуста), также молочные продукты. Фразеологизмов, включающих в свой состав лексемы со значением «мясо, мясные блюда», не было обнаружено, что может свидетельствовать о редкости подобного рода продуктов на крестьянском столе.

Фразеологические единицы, вошедшие в состав данной группы, объединяет родовое понятие еда, дифференциальный компонент в смысловой структуре данных единиц позволяет выделить видовые подгруппы:

1) названия кушаний, продуктов питания: *кривые пироги* – вареники, *чёрная капуста* – квашеная капуста, приготовленная из верхних зеленых листьев, *посконное семя* – конопляное семя, *обедельное молоко* – молоко дневного удоя, *молоденькое молоко* – молоко

сегодняшнего дня, **кадное молоко** – молоко, которое во время поста сливают в кадки, **паренькое молоко** (молочко) – парное молоко, **жареное молоко** – топленое молоко и др.;

2) качество пищи: **сесть пнѣм, выйти крицей** (о тесте) – не подняться, не взойти, **дно видать, крупинка за крупинкой бежит с дубинкой, чѣрта видать** (о похлебке) – жидкая похлебка, **с сырцом** (обычно о картофеле) – недоваренный и др. Фразеологизмы данной подгруппы предполагают оценку довольно обобщенного характера (вкусно – невкусно), при этом большая часть фразеосочетаний характеризует некачественную или плохо приготовленную пищу, например: **в рот не вотрёшь** (не вгонишь, не вторкаришь), **брюхо лунится** – о невкусной пище и т.п.;

3) приготовление пищи: **варить яичницу** – жарить яичницу, **опарить** (опаривать) **квас** – заквасить квас, **собирать щи** – готовить все продукты для щей, **рассучить лепёшку** – приготовить домашнюю лапшу и др.;

4) отношение человека к еде: **глаза не сыты** (о человеке) в I знач. – о том, кто наелся, но продолжает есть, **кишка кишке бьёт по башке** – испытывать чувство голода, быть голодным, **мести всё под одну метлу** – быть неприхотливым в пище, **язык не лопата** – о том, кто знает толк в пище, **картофельная душа** – о человеке, который любит употреблять в пищу картофель, **на тощой желудок** – натошак, **хмылом съест** – съест очень быстро и др.

Следует отметить, что наиболее образным, метафорическим значением обладает подгруппа «отношение человека к еде». Фразеологизмы этой подгруппы связаны с характеристикой качеств человека или его отношения к потреблению пищи; чаще всего они имеют негативную коннотацию (о переедании, голоде, чревоугодии).

В структурном отношении эта группа достаточно однородна. Это существительные с согласованным определением: **обедельное молоко, растовое масло, посконное семя** и т.д. Есть отдельные фразеологизмы, представляющие собой сочетание глагола с наречием образа действия: **самоквасом пойти, сесть стулом**. Особую группу составляют фразеологические единицы, которые по своему строению представляют разные типы простых двусоставных и односоставных предложений: **глаза не сыты** (о человеке), **класть (положить) зубы на полицу, морить душу, принять голод, сущи глотать** – голодать, **об дорогу не расшибеши** – о черством хлебе, **дубинкой не отшибёши** – трудно отвлечь от чего-то съестного и др.

По компонентному составу рассматриваемые диалектные фразеологизмы делятся на:

а) состоящие из сочетания диалектного и общенародного слов: **опричь души, полянушкино молоко, жорон напал, как шарок голодный, картовная душа, не пимиши не емиши**.

б) состоящие из слов только общенародного языка: *на своём хлебе, зелёный хлеб, лисин (лисичкин) хлеб, жареное молоко, драная картошка, драная каша, собирать щи, варить яичницу, изойти слюнямии* др.

Отметим, что вторая группа фразеосочетаний самая многочисленная. Это связано, в первую очередь, с образностью мышления народа; к общенародным словам добавляется новое, образно-символьное, дополнительное значение, распространенное в пределах существующего диалектного языка. Стоит отметить, что образований, состоящих только из собственно диалектных слов, в исследуемом материале не выявлено.

Одна из особенностей диалектной лексики – разноаспектная вариативность. Так, в рамках проводимого исследования зафиксированы фразеологические единицы, имеющие семантические варианты: *комковой (крушковой) сахар, в рот не вотрёшь (не вгонишь, не втокаришь), притворить (приболтать) тесто – приготовить тесто для выпечки хлеба* т.п.

Встречаются и фразеологические единицы с количественной вариативностью компонентов: *как шатолом [поесть], [есть] на тощой желудок*. Подобная вариативность в составе фразеологизмов связана со свободной сочетаемостью, подвижностью компонентов, распространенностью употребления в повседневной речи, а также ярким и запоминающимся, самодостаточным (не требующим распространения) значением главного (опорного) компонента.

По своим грамматическим признакам рассматриваемая группа диалектных фразеологизмов соотносится с разными частями речи:

а) с существительными: *кривые пироги – вареники, кривой пирог – пирог с любой начинкой*;

б) с прилагательными: *с сырцом (обычно о картофеле) – недоваренный*;

в) с глаголами: *сесть ннём, выйти крицей (о тесте) – не подняться, не взойти, кишка кишке бьёт по башке – испытывать чувство голода, быть голодным*;

г) с наречиями: *хмылом съест – съест очень быстро, на тощой желудок – натошак*.

Некоторые диалектные фразеологизмы построены на повторе однокоренных или синонимичных компонентов: *за моё-моё – есть с аппетитом*.

Как видим, диалектная фразеология в большинстве случаев наделена высокой экспрессивностью, эмотивной и гиперболизированной специфичностью, ярко характеризует явления быденные и повседневные, отражая особенности деревенского быта и субкультуры. Но при этом диалектная фразеология ограничена ареалом своего употребления и, как правило, воспроизводит языковую картину мира сельского жителя, возникает на основе образных представлений об окружающем мире. В рассмотренных фразеологических

единицах русских говоров Республики Мордовия проявляется богатый национально-культурный пласт, отражающий воззрения диалектоносителей, их представления о мире. На основе выявленных фразеологических единиц со значением «еда», можно сделать вывод о потребляемой пище, особенностях организации быта деревенского жителя. Стоит отметить, что фразеология является наиболее устойчивым пластом языка, изменение состава фразеологизма или его исчезновение происходит достаточно редко, поэтому на основе рассматриваемого материала можно сделать вывод о более древнем историческом периоде, времени существования того или иного народа.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что проанализированные фразеологизмы со значением «кушанья и продукты питания» характеризуются семантическим, грамматическим, структурным разнообразием; включают в свой состав разнообразные в структурно-семантическом отношении единицы, которые позволяют воссоздать элементы материальной и духовной культуры этноса, изучить особенности быта, традиции и обычаи представителей территориально замкнутого социума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брысина Е. В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2003. – 44 с.
2. Ершова Н. И. Лексико-семантическая группа субстантивов со значением хлебобулочных изделий в русских говорах на территории Мордовии // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы Второй Междунар. науч. конф. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – С. 317–320.
3. Маркина Л. В. Из наблюдений над словообразованием существительных в словаре русских говоров на территории Мордовии // Филологические заметки: Межвуз. сб. научн. тр. – Саранск, 1993. – С. 63–66.
4. Мочалова Т. И. Названия кушаний в русских говорах Мордовии // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2008. – Вып. 29. – Ч. 1. – С. 295–303.
5. Мочалова Т. И., Маслова А. Ю. Фразеосемантическое поле «еда» как фрагмент диалектной языковой картины мира (на материале русских говоров Республики Мордовия) // Русская диалектология: традиционные подходы и инновационные технологии: Материалы Международной науч.-практ. конф. – Волгоград: Перемена, 2012. – С. 189–196.

ЕРШОВА Н. И., ЧЕГОДАЕВА Т. С.
МИКРОПОЛЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА
В РУССКИХ ГОВОРАХ МОРДОВИИ

Аннотация. В статье охарактеризовано микрополе физической характеристики человека в русских говорах Мордовии, описаны все виды парадигматических отношений между диалектизмами данной семантической группы. Особое внимание уделяется анализу явления синонимии существительных, прилагательных и фразеологизмов, представляющих разноаспектную характеристику человека.

Ключевые слова: семантическое поле, говоры, имя существительное, имя прилагательное, синонимы, антонимы, фразеологизм, значение.

ERSHOVA N. I., CHEGODAEVA T. S.
MICROFIELD OF HUMAN PHYSICAL CHARACTERISTICS
IN RUSSIAN DIALECTS OF MORDOVIA

Abstract. The article provides a description of the microfield of human physical characteristics in Russian dialects of Mordovia. All types of paradigmatic relations between the dialectics of this semantic group are described. The study is focused on the analysis of the phenomenon of synonymy of nouns, adjectives and phraseology used for giving a complex description of a person.

Keywords: semantic field, dialects, noun, adjective, synonyms, antonyms, phraseology, meaning.

Антропоцентризм как основополагающее свойство естественного языка, его природы и сущности, определяющее характер реализации всех базовых функций языка и протекание речевой деятельности в целом, стал на рубеже XX – XXI веков наиболее значимым научным подходом в языкознании. Человек, являясь центральным объектом научных исследований, определяет их антропоцентрическую направленность. Тематическая группа «Человек» – это живая, продуктивная подсистема лексики и фразеологии, отражающая особенности восприятия мира, хранящая и передающая информацию о жизненных ценностях носителей языка. Поэтому целесообразно дополнить научное представление о человеке посредством изучения его языковой диалектной культуры как естественной и наиболее близкой исторической природе [7, с. 4]. Ключевыми для антропоцентрического семантического поля характеристики человека, функционирующего в русских говорах Мордовии, является наименование человека, его признаков, действий и

состояний Данные лексемы составляют семантическое поле характеристики человека, включающее довольно большой пласт лексики рассматриваемых говоров.

Языковые единицы, составляющие рассматриваемое поле, образуют все виды парадигматических отношений – различные формы вербализации концептов, лежащих в основе субэтнического сознания диалектоносителей (явления полисемии, синонимии, омонимии и антонимии). При этом синонимия уточняет, конкретизирует разные смыслы представленных концептов, а антонимия определяет их полярные смысловые точки [6, с. 15].

Подчеркнем, что наиболее распространено в семантическом поле характеристики человека, функционирующем в русских говорах Мордовии, явление синонимии. Яркая синонимика диалектов – одно из свидетельств их словарного богатства, дающая возможность выразить самые тонкие оттенки мысли, разнообразить речь и сделать ее более образной и действенной [1].

Синонимический ряд в говорах, как и в литературном языке, образуют группы слов, связанные синонимическими отношениями. В него включаются слова с тождественным или близким значением, передающие сущность одного и того же понятия, закрепленные в говоре и представляющие неотъемлемую часть той или иной диалектной лексической системы. Принцип построения синонимического ряда основывается на различиях в семантике и эмоционально-экспрессивной окраске синонимов [4, с. 54–55].

При установлении типологии семантических отношений между компонентами синонимических рядов в лексикологии прочно укрепились традиции выделять: 1) абсолютные синонимы (дублеты), не имеющие ни семантических, ни эмоционально-экспрессивных различий; 2) семантические синонимы, различающиеся оттенками значения; 3) эмоционально-экспрессивные синонимы, различающиеся эмоционально-экспрессивной окраской. В рассматриваемом семантическом поле наблюдаются все указанные типы синонимов, реже встречаются антонимы, многозначные слова и омонимы, представленные в семантическом поле характеристики человека, функционирующем в русских говорах Мордовии [4, с. 45–54].

Семантическое поле характеристики человека представляет собой довольно большой пласт лексики русских говоров Мордовии. Слова этого поля характеризуют человека с разных сторон и составляют отдельные микрополя. Слова в микрополях объединяются по-разному: одни являются синонимами, а другие, характеризуясь общностью значения, синонимами не являются, так как относятся к разным частям речи. Есть слова, объединённые структурно-семантически: как производное и производящее [2, с. 88–89].

Слова литературного языка, попадая в говор, могут изменять свою семантику, развивать новые значения. Это явление прослеживается и в семантическом поле

характеристики человека в русских говорах Мордовии. Особенно ярко оно выражено в микрополе физической характеристики человека, включающем 74 слова и 11 фразеологических оборотов, зафиксированных в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» [5]. Например, слово *аккуратный*, кроме совпадающего с литературным языком значения, может означать «статный, стройный» (Торбеевский район, Лямбирский район, Теньгушевский район). Синонимами по отношению к этому слову выступает слово *бодрый*, которое, как и *аккурáтный*, кроме сходного с литературным языком, имеет значение «стройный, осанистый» (Краснослободский район, Кочкуровский район) и слово *курáтный* – «стройный, хорошего телосложения». Напр.: Сматрю я на Дуньку и думью, какая ана *акуратнъя*, фигурь как вытьчинь (Карпеловка, Торбеевский район).

Антонимами по отношению к этим словам являются слова *некультяпистый* «нескладный, неуклюжий», ²*балáнда* «о нескладном, неуклюжем человеке (обычно о женщине)» и фразеологизм *как куль* в значении «нескладный, неуклюжий» (Темниковский район), которые находятся в синонимических отношениях. Напр.: Дефкь-ть *никультяпистъя*, фсё на ней благъ сидит (Редкодубье, Ардатовский район).

Синонимами являются слова *жердiна* «высокий, худощавый человек» и *вави́ла* «мужчина очень высокого роста». Это неполные синонимы, так как слово *жердiна* может относиться как к мужчине, так и к женщине, а *вави́ла* – только к мужчине. Кроме этого, они различаются оттенками значения. Антонимом по отношению к словам *жердiна* и *вави́ла* выступает слово *курдю́к* «полный человек небольшого роста». Оно дано в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» с пометой «экспр.». Слово *кузлатáнт* – антоним по отношению к словам *жердiна* и *козонóк* «худой, тощий мужчина небольшого роста». Напр.: Поест – ляжът, пьлежыт – опять поест. Он вон какой *кузлатант* (Суподеевка, Ардатовский район); У нас *къзанком* манинькъвъ тащёвъ мужычёнку завут (Паньжа, Ковылкинский район).

Слово *вави́ла* имеет и другое значение «сильный, рослый, но неумелый мужчина». Синонимами по отношению к нему выступают слова ²*балабан* «здоровый, рослый мужчина», *лóсман* «здоровый, рослый мужчина» и *лаву́га* «здоровый, сильный человек». Напр.: Не манинькый вить, *лосмън*, а узоруиш (Суподеевка, Ардатовский район); Зато ана вон какая *лавугъ*, и муш у ней лавугъ (Виндрей, Торбеевский район).

Тематический ряд, объединяющий слова, которые характеризуют рост и полноту человека, включает в себя синонимы *карбы́ш* «человек маленького роста» (Торбеевский район), *коротáй* «мужчина маленького роста», *мухóртик* «малорослый и слабосильный мужчина», *мухры́шка*, *мухряк* «малорослый человек». Дублиеты *мухры́шка* и *мухря́к* даны с пометой «неодобр.». Напр.: Люпкь сама большая, а мужык у ниё *къратай* (Гумны,

Краснослободский район); *Мухряка* каковъ-тъ привязла, иде токъ этъкъвъ и аткапала, ну и жыних (Панъжа, Ковылкинский район).

Слово *мармыль* зафиксировано в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» с пометой «экспр.». Напр.: Ну и *мармыль* жъ он, ни за што ни пайду зъ мърмыля! (Веденяпино, Теньгушевский район).

В этот же тематический ряд входят слова *колбёшка* «полная женщина небольшого роста», *куты́рка* «полная женщина небольшого роста» (Ельниковский район) и *кубасі́ха* «о полной, дородной женщине» (Ардатовский район). Антонимами по отношению к вышеназванным словам выступают синонимичные между собой диалектизмы *балалáйка* (Темниковский район) и *матóня* в значении «худая, тощая женщина». Ср.: Ету *калбёшку* и замуш-тъ ниhto ни взял зъ иё рост дъ тълшшыну (Лаврентьево, Темниковский район); Она как *матоня*, больнь уш сухая дъ тошча (Суподеевка, Ардатовский район).

Дублеты *колбяк* (Краснослободский район, Старошайговский район), *колбян* и *надутыш* «полный, упитанный ребёнок» также входят в тематический ряд со значением «рост и полнота человека». Напр.: Вон у миня внук *калбян* какой, ни падымиш (Красногорное, Чамзинский район).

На основе общности значения к этим словам примыкает прилагательное *лопушастый* «полный, упитанный» (Ельниковский район) и фразеологизмы *дiкое мясо душит кого-то* «об очень полном человеке», как *налитой / налiтенький* «полный, упитанный» (Ардатовский район). Им противопоставлен синонимический ряд, состоящий из слов *неспрáвный* «худой, тощий» (Зубово-Полянский район), *ну́жненький* «худой, тощий, малорослый» (Ромодановский район), *ледáщий* «худой, сухощавый» (Лямбирский район) и фразеологизмов как *назóла* «о худом, тощем человеке» (Атяшевский район, Ичалковский район) и *одни мотолыжки торчат* «об очень худом, тощем человеке». Напр.: Систру-тъ у тибя *дикъя мясь душит* (Красино, Дубёнский район); А уш худой-тъ, худой, *адны мъталышки тарчат* (Вичкидеево, Теньгушевский район).

Вышеназванному синонимическому ряду, состоящему из существительных, близок по значению другой многочисленный синонимический ряд, объединяющий диалектные прилагательные: *бáский* «имеющий красивую внешность (о человеке)», *коря́жистый* «невысокий, коренастый», *недорослый* «небольшого роста», *мухрастый*, *мухрявый* «малорослый, невзрачный». Напр.: Мне вофси ни пришлось нъ высоких кълбуках хадить, муш *нидарослый* был (Тазино, Большеберезниковский район); Зъ *мухрaстых* ни пашла, а хорошы-тъ ни свaтъли (Тазино, Большеберезниковский район). Слова *мухрýстый* и *мухрýвый* обладают синкретичной семантикой: наряду с определением роста содержится указание и на общий внешний вид [3].

Характеристика непривлекательной внешности представлена синонимическим рядом диалектных существительных *додóн* «человек с некрасивой, уродливой внешностью» (Рузаевский район), *нестату́й* «человек с непривлекательной внешностью» (Ельниковский район), *самова́рный* «о некрасивом человеке небольшого роста» (Кергуды, Ичалковский район) и фразеологизмом *моль кафта́нная* «о невзрачном человеке». Этот фразеологизм представлен в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» с пометой «груб.». Антоним по отношению к ним – диалектное существительное *¹козырь* «красивый и деловой человек». Слово *¹козырь* включает в себя разностороннюю характеристику: с одной стороны – характеристика внешнего вида, с другой – характеристика поведения. Напр.: Ты толькь глянь нъ сибя. Ты вить *моль кафтана* (Карпеловка, Торбеевский район); А Ванькь и сам *козырь* паринь был (Паньжа, Ковылкинский район).

Слова, составляющие названный синонимический ряд, объединяются по тематическому принципу со следующими синонимами: *немудрящий*, *немудровый* «непривлекательный, невзрачный»; *несуятный* (Ельниковский район), *несправский*, *неприглядчивый* (Большеигнатовский район) «имеющий непривлекательную внешность», *невишный* «2. Неказистый, невзрачный». Ср.: Глаза-ть у ей уш стали *нивишныи* (Новоямская Слобода, Ельниковский район); У шабёрки сын-ть *нивишный*, в ацца пашол (Болтино, Ромодановский район). Слово *неви́шный* входит в подкласс характеристики человека по физическим недостаткам, а также фразеологизм *не от красного лица* «имеющий некрасивую внешность». Им противопоставлены антонимы *красови́тый* «имеющий красивую внешность», фразеологизмы *как куклёнок* «имеющий красивую внешность (о ребёнке)», *от красного лица* «имеющий красивую внешность, синонимичные между собой. Однако фразеологический оборот *как куклёнок* является частичным синонимом, характеризуя только ребёнка. Напр.: У Катьки внучёк *как куклёнък* (Хлебино, Теньгушевский район); *Нимудровый* паринь-ть, а жану взял фсем на зависть (Ефаево, Краснослободский район); Сама *от краснъвъ лица*, а он у ней не больнъ хороший (Суподеевка, Ардатовский район) [3]

Общей семой 'нос' объединены слова *ноздрюха* «женщина с широкими ноздрями» и *курноватый* «курносый». Напр.: А этъ *ноздрюхъ* ис сея культуру гнёт, думът, пьбыла в горъди, а в деревни фсе дураки (Суподеевка, Ардатовский район).

Внешний вид человека характеризует фразеологический оборот *как волха* «с распущенными, растрёпанными волосами». Кроме того, данная подгруппа представлена словами *ахму́ша* «неодобр. Человек с длинными растрепанными волосами» и *разу́ряженный*. Последнее выступает в двух близких значениях: 1) нарядный, хорошо одетый (Первомайск, Лямбирский район); 2) нарядный, красиво убранный (Ожга, Старошайговский район). Напр.: Распустит космы-ть и *как волха* пь диревни ходит (Стрелецкая Слобода, Рузаевский район).

В тематической группе слов со значением «больной – здоровый» выделяются синонимы и антонимы. Слово *лошáва* «здоровая, сильная женщина» (Старошайговский район) является синонимом фразеологизму *как меринíха / меринíша* «о крепкой, здоровой женщине». Антонимом по отношению к ним является диалектизм *мерлушка* «слабосильная женщина». В «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» *лошáва* имеет помету «экспр.», указывающую на повышенную оценочность, экспрессию семантики, отсутствующую во фразеологическом обороте *как мериниха / мериниша* и лексеме *мерлушка*. Напр.: Чай, она как *мириницъ* здоровъ, роботът (Суподеевка, Ардатовский район); Раньшъ бабы здаровы были, а щас адны *мирлушки* (Шаверки, Краснослободский район).

Синонимический ряд в рассматриваемых говорах составляют слова *квёлый* «слабый, болезненный»; *лядáжный* «слабый, болезненный» (Атяшевский район); *немогúтный*, *несмоцнóй*, *нёмощый*, *немóхий* «слабый, немощный». К ним примыкает близкое по значению слово другой части речи *мозглéц* «2. Болезненный, тщедушный человек». Напр.: Паринь-ть у тибя какой *квелый*, ай ни кормити? (Никольское, Торбеевский район); Мы, старьё, таперь уш фсе *нимагутныя* (Стрелецкая слобода, Рузаевский район).

Интересен тот факт, что одна и та же языковая единица в разных населённых пунктах может иметь противоположные значения. Так, например, существительное *мозглéц* может служить для обозначения как интеллектуальных способностей человека, так и его физической характеристики. Ср.: Он, Ванькъ-ть, *мозглец*, фсё приметит, как те надъ, фсё зделът (Камаево, Ичалковский район); Нашла сибе мужыка, *мъзглица* каковъ-ть, из бальницы ни выходит (Летки, Старошайговский район).

Дублетами же являются слова *негóдный* и *негодёный* «1. Больной, поражённый болезнью (о людях)». Напр.: Сёстры у миня уш *нигодны*, адна в бальницы лижыт. Дъ и я сама *нигоднъ*, ножыньки балят (Марьяновка, Большеберезниковский район); Дочь-ть у миня *нигадёнъя*, из бальницы ни выходит (Новая Карьга, Краснослободский район).

Вышеназванным дублетам близки по значению слова *подчудённый* «о человеке, находящемся в состоянии психической неуравновешенности», *полусúна* «перен. неодобр. 2. Психически неуравновешенный человек», *разúмница* «психически больная женщина». Напр.: Вот ы ходит, вот ы ходит ыз угла в угъл, как *пътчюдёный* (Старая Фёдоровка, Старошайговский район); Эх ты, *пълусинъ*, што ламаш дитя? (Нагаево, Инсарский район).

Синонимами в этом же подгруппе внешнего вида, физической характеристики человека являются слова *жёлмостный* «выносливый, живучий» (Краснослободский район), *косяшный* «крепкий, выносливый» (Лямбирский район), *ломовóй* «выносливый, сильный» (Чамзинский район), *мóчный* / *мóщный* «крепкий, здоровый», *могутённый* «сильный, мощный». Напр.: Вон кака *мъгутёнъ* ана, мишок-ть адна пýдняла (Старый Город,

Темниковский район); Каторыи *мочьныи*, бирут делянки, вырубают нъ дрова (Лемдяйский Майдан, Старошайговский район).

Синонимический ряд, состоящий из диалектных прилагательных *квѣлый*, *лядѣжный*, *немогутный*, *несмоцнѣй*, *нѣмоцный* и *немѣхий* противопоставлен синонимическому ряду *жѣлмоцный*, *косяиный*, *ломовѣй*, *мѣчный*, *могутѣнный*. Слова, составляющие один из этих двух синонимических рядов, являются антонимами по отношению к словам, которые выходят в другой синонимический ряд.

Неполными синонимами можно назвать диалектизмы *баранчѣк* «крепкий, здоровый ребенок» (Старошайговский район) и *крепѣч* «тот, кто имеет крепкое телосложение; крепыш (обычно о ребенке)». Напр.: У ниво сын *крипачѣм* растѣт (Авгуры, Старошайговский район). Слово *лобѣн* «рослый и сильный мальчик-подросток» и *лобѣнчик* (= рослый ребенок) являются словообразовательными синонимами, наличие которых является специфической особенностью явления синонимии в диалектах по сравнению с литературным языком. Напр.: Видалѣ таковѣ *лѣбана*! Вышѣ матири (Суподеевка, Ардатовский район); Ты вить большынькѣй стал, мам-кѣ-тѣ уш нѣ колених ни удержыт таковѣ *лобанчыкѣ* (Суподеевка, Ардатовский район).

Необходимо отметить, что говоры имеют чрезвычайно богатые возможности для выражения различных качеств лица, отраженных в диалектных существительных, прилагательных и фразеологических оборотах. Их описание способствует воссозданию одного из важнейших фрагментов диалектной картины мира, в частности семантического поля характеристики человека в русских говорах Мордовии, помогая выявить способы восприятия и толкования элементов окружающей действительности диалектоносителями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ершова Н. И., Морозова Г. В. Явление синонимии в лексико-семантической группе русских диалектных эмотивов, характеризующих внешний облик женщины [Электронный ресурс] // Огарев-online. – 2016. – №9. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/yavlenie-sinonimii-v-leksiko-semanticheskoy-gruppe-russkix-dialektnyx-emotivov-xarakterizuyushhix-vneshnij-oblik-zhenshhiny> (дата обращения 01.04.2020).
2. Ершова Н. И. Структура семантического поля глаголов движения в русских говорах Мордовии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3-3 (69). – С. 88–91.
3. Ершова Н. И., Лияскина Д. И. Лексико-семантические связи русских диалектных прилагательных, отражающих внешний вид человека [Электронный ресурс] // Огарев-

online. – 2019. – №8. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/leksiko-semanticheckie-svyazi-russkix-dialektnyx-prilagatelnyx-otrazhayushhix-vneshnij-vid-cheloveka> (дата обращения 01.04.2020).

4. Маслов В. Г. Системные отношения в диалектной лексике (на материале говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области). – Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2007. – 124 с.

5. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2-х ч. – СПб.: Наука, 2013. – Ч. 1. – С. 1–672. – Ч. 2. – С. 673–1560.

6. Сороколетов Ф. П. К вопросу о системных отношениях в лексике народных говоров // Диалектная лексика: сб. науч. тр. – Л.: Наука, 1978. – С. 14-24.

7. Человек и его мир в диалектной фразеологии русских говоров Мордовии: монография // Э. Н. Акимова, А. Ю. Маслова, Т. И. Мочалова, Н. И. Ершова, Л. Н. Денисова. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. – 156 с.

ШАРОНОВА С. Г.

**ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТОСЛОЖЕНИЯ КНИГИ СТИХОВ Е. ШВАРЦ
«ЗАПАДНО-ВОСТОЧНЫЙ ВЕТЕР» (1997 Г.)**

Аннотация. В статье рассматриваются поэтологические особенности книги стихов Е. Шварц «Западно-восточный ветер». В ходе исследования делается вывод о том, что сюжетообразующим началом данной книги становится мотив путешествия. Поэт синтезирует реальные географические маршруты с воображаемыми. Многочисленные топонимы и гидронимы в совокупности со знаковыми культурными атрибутами исторических эпох дают возможность продемонстрировать блуждание одинокой души в мировом пространстве, подчеркивают одновременную цикличность и бесконечность жизненного пути.

Ключевые слова: современная поэзия, Е. Шварц, книга стихов, жанр, сюжет, мотив путешествия.

SHARONOVA S. G.

**FEATURES OF THE PLOT STRUCTURE OF THE BOOK OF POEMS
"WEST-EAST WIND" (1997) BY E. SCHWARTZ**

Abstract. The abstract discusses the poetical features of the book of poems "West-East Wind" by E. Schwartz. The study shows that the main plot of this book is based on the motive of travel. The poet intertwines real geographical routes with imaginary ones. Numerous toponyms and hydronyms in combination with significant cultural attributes of historical epochs make it possible to demonstrate the wandering of a lonely soul around the world and emphasize the simultaneous cyclicity and infinity of the life path.

Keywords: modern poetry, E. Schwartz, book of poems, genre, plot, travel motive.

Елена Шварц – российская поэтесса и прозаик с трагической судьбой. Репрессии, затронувшие ее семью, одиночество, смертельная болезнь так или иначе сказались на творчестве поэтессы, но несмотря на жизненные невзгоды, ей удалось создать свой неповторимый стиль. Е. Шварц удостоена ряда литературных премий: Андрея Белого, журналов «Звезда», «Знамя» и т.д. Ее стихи публиковались и публикуются не только в России, но и за ее пределами, книги издаются на многих языках мира: иврите, шведском, сербском и др. Более того, Е. Шварц проявляется себя и как талантливый эссеист, и как прозаик, а главное – как поэтесса, автор десятков книг стихов, среди которых «Сторона света» (1989), «Западно-восточный ветер» (1997), «Трость скорописца» (2004), «Перелетная птица» (2011).

Оригинальный талант автора, злободневность поднимаемых в нем, глубина и своеобразие мировосприятия сразу привлекли внимание критиков и литературоведов. Так, литературный критик А. М. Уланов называл Е. Шварц «постпоследним романтиком». Отмечая уникальность ее творческой манеры, которую трудно скопировать, познать, исследователь утверждает: «Мир Шварц – бездна, мрак, пламень, свет, любовь – лишен оттенков и полутонов, которые нам еще долго учиться различать» [5]. Подобное новаторство, специфичность стихотворений Е. Шварц видел и историк литературы В. И. Шубинский, который в журнале «Знамя» написал: «При первом чтении ясно одно: такого в русской поэзии еще не было. Элементы – были, приемы – были, но не было – такого мира» [7]. Исключительное внимание к таланту поэтессы, изучение ее творчества актуализируется в последние годы.

Особенно привлекательным становится жанровое своеобразие поэзии Е. Шварц. В ее творчестве наблюдается обращение к крупным жанровым формам: лирическому циклу, книге стихов, в которых многомерно отражен авторский взгляд на современную действительность, затронуты важные проблемы, касающиеся не только личной жизни, но и судьбы современников, выражено отношение к вере, религии. Следует признать, что сегодня именно книга стихов становится таким жанровым образованием, которое характеризуется наличием единых тем, мотивов, цельностью личности душевного мира героя, переходящего из одного стихотворения в другое, где автору удастся выразить свои взгляды на мир и человека, любовь, безвозвратно ушедшее прошлое и т.д. [1; 2; 4]

Предметом нашего исследования становится книга стихов Е. Шварц «Западно-восточный ветер», в которой сюжетобразующим началом является мотив путешествия, непрерывного перемещения лирической героини от земли к небу, от современности к далекому прошлому, от собственной квартиры к излюбленным уголкам Санкт-Петербурга, от мировых достопримечательностей к порой жутким, вселяющим в душу страх местам – подворотне, кладбищу, подземному миру.

Лирическая героиня Е. Шварц находится в постоянном движении, она посещает все возможные и невозможные сферы, для нее не существуют расстояния: ни территориальные, ни временные, -поэтому очень часто она перемещается в весну, минуя зиму, оказывается свидетелем библейских легенд, пропуская сквозь себя все века-препятствия. Географическая карта ее маршрутов многолика: Украина, Санкт-Петербург, Кавказ, Вавилон, Стрельна и т.д. Но радости от нескончаемых «путешествий» лирическая героиня в большинстве своем не получает, поскольку свои паломничества она совершает в абсолютном одиночестве:

Я брожу одна в тумане

И с собою разговариваю,

И целую воздух нежно

Иногда, по временам [6].

Более того, вся книга стихов «Западно-восточный ветер» проникнута пессимистичными настроениями. Рассуждения о прошлом, «сумраке и нищете» родины, смерти, покинутости, запустении проходят красной нитью через весь сборник. Лирическая героиня в отчаянии, она пытается познать законы бытия, понять себя, но будущее ей видится лишь в Боге, в аскетическом образе жизни:

Мой же путь лежит нелепый

В монастырчик под горой,

Пахнет кофе, тайной склепа,

Где молитвы подогреты

Сливовицей молодой [6].

Свое спасение она видит в удалении от мира, урбанистической цивилизации, человеческой суеты и меркантильности.

«Путешествия» лирической героини можно условно поделить на странствия по миру бытия и скитания по миру инобытия. Так, мир бытия представлен реальными географическими маршрутами. Читатель встречает героиню на улицах Санкт-Петербурга, она проходит мимо Исаакиевского собора, многочисленных городских каналов, минует Гостиный двор, но восхищаясь величием северной столицы, она не перестает печалиться, поскольку ей тесно в этом огромном холодном городе, она словно Нива, закованная в гранит, хочет легкости и свободы:

По руслу бывшего канала

Скольжу я в рыбе круглоногой.

Мелькнут трамваи, люди, зданья...

Куда ведет меня дорога –

В болота Охты ли, в сиянье?[6]

Героиня посещает не только знаковые места северной столицы, но ее влекут и подворотни, окраины, кладбища. Во многом автор романтизирует эти мрачные места. Например, прогулка по кладбищенской земле становится для нее соприкосновением с историей, вечностью, а блуждания в темных подворотнях являются неким хождением в лабиринте, метафорически соотносящимся с поисками самой себя. Не находит успокоения героиня книги «Западно-восточный ветер» и внутри границ собственной квартиры, так как ее дом не является теплым и уютным гнездышком, он изображается «брошенным» и «опустелым».

Не найдя счастья, героиня отправляется в другие страны и временные пространства. Но и здесь она не обнаруживает того, чего искала, на каждом шагу ей встречается мрак, угасание жизни. Например, переезжая сербские горы, она видит, как *«Черный глухо-мертвый ослик / На обочине распух»* [6], становится свидетелем разрухи городов близ Стрельны (*«В полыни, в паутине весь... / Какая тьма, весь свет не здесь»*), наблюдает за хищничеством кровожадных птиц на Реке Ганг (*«В Ганге хищные птицы / Всегда поживу найдут, / Бедных (а кто же не бедный) тела / В острые клювы плывут»*) [6]. Нескончаемые плутания по земле наводят героиню на мысль о собственной потерянности, отсутствии цели, смысла жизни, душевная неустроенность отражается в потере географических ориентиров, она не понимает, где она, что с ней происходит, для чего она находится в этом городе/стране/мире:

*Слева – изгородь живая, Океан – со стороны другой,
Я меж них бреду по тропке. Где я? Что я? Бог со мной?*[6]

Становится понятно, что лирической героине нет места в пределах бытия, поэтому она устремляется в другую реальность, двигается в направлении инобытия. Где она становится частью истории не только родной страны, дорогого сердцу города, но и неотъемлемой составляющей божественного мира.

Так, героиня Е. Шварц оказывается помещенной в девятнадцатый век, она становится свидетелем борьбы русского и шведского государств за обладание Финляндией. Она видит все события глазами шведского народа, для которого русские – варвары, стремящиеся «растоптать» их территории, бьющиеся за чужие земли словно *«грубый вепрь, зверь окаянный»*. Ужасы истории, плавно отступая, дают возможность лирической героине отправиться в мир мертвых, в сферу страданий и беспросветной тьмы – в ад. Пройдя царства Аида, она молниеносно устремляется всем своим существом к небу, но не встречает там ожидаемой возвышенности и светлости, все видится ей через призму обыденности и приземленности:

*Там, где Рахиль пекла олады
На придорожном плоском камне,
Где небо ангелами каплет,
Как ночью поврежденный кран...* [6]

Поиски собственного «я», высшей реальности терпят неудачу и в этот раз. Героиня не видит света, не находит единственно правильного пути. Даже вечный источник жизни, перерождения – весна, не становится для нее освобождением от мук. Весна у нее «деревянная», «слепая», ее поэтически возвышенный образ сводится к чему-то незначительному, призрачному, повседневному. Это доказывает, что человек разучился восхищаться явлениями природы, замечать ее метаморфозы, динамику жизни:

*Не человек, а небо радо -
Что вот весна,
Она стекла в подпочву сада,
Отныне нет ни снов, ни сна [6].*

Странствия лирической героини Е. Шварц приходят к своему логическому завершению в финальном стихотворении книги «Большая элегия на пятую сторону света», где ее личностное пространство расширяется до вселенских размеров. В элегии звучит мысль о возвращении в родные пенаты: *«Пора. Возвратно вращайся – уж нечего боле гулять»* [6]. Героиня подводит итог своим мытарствам, отмечая отличительные черты каждой стороны света, траекторию своего пути, но где бы она ни была, она неизменно понимает:

*Но сколько же ты ни вращайся на мельнице света сторон,
Есть два только выхода, первый: паденье и склон.
Другой – это выброс во внешнюю тьму... [6]*

Ее страдания и душевные терзания завершаются осознанием, что *«мир наш – он крест»* [3], и спасение в вере. Этот мотив, наблюдаемый в начале книги стихов, оказывается ошибочным, теперь «крест» – это не символ добра, смирения и покоя, это «крест», который нужно нести, от которого нужно страдать, он не приносит умиротворения, он *«раздирает тебя изнутри»* [6]. Таким образом, в книге «Западно-восточный ветер» прослеживается мотив одиночества, изгнанничества. Унять душевную пустоту не способны даже красоты Исаакиевского собора, воодушевляющие пейзажи близ Ганга, таинственность буддийского храма. Цель путешествия лирической героини – ни посмотреть других и ни показать себя, ни извлечь выгоду, ни насладиться мировым наследием, ни получить вдохновение. Ее цель – найти себя, обрести свою дорогу, разобраться во внутренних противоречиях. Такой дорогой может стать путь несуществующего и ранее не открытого «западно-восточного ветра». Именно его направлением символично и названа книга.

Исходя из всего выше сказанного, мы приходим к выводу о том, что «Западно-восточный ветер» Е. Шварц – это книга стихов, которая воспринимается «как осознанное авторское объединение группы текстов; смысл которых перетекает из одного произведения в другое» [1; 3]. Сюжетообразующим началом данной книги становится мотив путешествия. Автор синтезирует реальные географические маршруты с воображаемыми, многочисленные топонимы и гидронимы в совокупности со знаковыми культурными атрибутами исторических эпох дают возможность продемонстрировать блуждание одинокой души в мировом пространстве, подчеркивают одновременную цикличность и бесконечность жизненного пути. Лирический сюжет, который выстраивает Е. Шварц, позволяет увидеть авторское мировидение как целостную художественную систему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гудкова С. П. Крупный жанровые формы в русской поэзии второй половины 1980 – 2000-х годов: дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2011. – 527 с.
2. Гудкова С. П. Современная русская поэзия (проблематика, поэтика, судьбы крупных жанровых форм). – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – 300 с.
3. Дубровская С. А. Гоголевское «смеховое слово» в литературном сознании поэта-современника // Вестник университета Российской академии образования. – 2010. – № 1. – С. 24–28.
4. Осьмухина О. Ю., Гудкова С. П. Баллада в современной отечественной поэзии: пути и характер трансформации жанровой формы // Научный диалог. – 2019. – № 8. – С. 149–165.
5. Уланов А. М. Елена Шварц. Стихотворения и поэмы [Электронный ресурс] // Знамя. – 1999. – № 9. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znamia/1999/9/elena-shvarcz-stihotvoreniya-i-poemy.html> (дата обращения 1.03.2020).
6. Шварц Е. Западно-восточный ветер. – СПб: Пушкинский дом, 1997. – 96 с.
7. Шубинский В. И. Садовник и сад [Электронный ресурс] // Знамя. – 2001. – № 11. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znamia/2001/11/sadovnik-i-sad.html> (дата обращения 01.03.2020).

ГОРБУНОВА Л. Г., ШИШКАНОВА Ю. В.
ОСОБЕННОСТИ КЛЮЧЕВОГО СЛОВА «ТЕМНЫЙ»
В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ И. А. БУНИНА «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ»

Аннотация. В статье рассматриваются функции ключевого слова «темный» в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи». Доказана особая роль этого ключевого слова в организации текстового пространства, его участие в реализации текстовой категории интертекстуальности. На примерах показано индивидуально-авторское наполнение семантических полей, соответствующих понятиям «жизнь» и «смерть», цветообозначениями «темный / черный» и «белый».

Ключевые слова: ключевое слово, красная нить повествования, текст, текстовая категория, интертекстуальность, реминисценция, концепт, темный, черный, цветообозначение, цветопись.

GORBUNOVA L. G., SHISHKANOVA YU. V.
FEATURES OF THE KEYWORD “DARK”
IN THE CYCLE OF STORIES “DARK ALLEYS” BY I. A. BUNIN

Abstract. The article considers the functions of the keyword "dark" in the cycle of stories "Dark Alleys" by I. A. Bunin. The key role of this word in the text organization, particularly in realization of the text category of intertextuality, is proved. The examples show the individual author's filling of semantic fields corresponding to the concepts of life and death with the colors of dark / black and white.

Keywords: keyword, storyline, text, text category, intertextuality, reminiscence, concept, dark, black, color designation, color painting.

Ключевые слова могут быть осмыслены в разных ипостасях: они входят в инструменты, реализующие текстовую категорию связанности. В этом плане их функции многообразны: они способствуют развитию и тождеству темы текста; образуют красную нить повествования, создающую единство и целостность текста; формируют логическую структуру текста. Общепризнанной является и трактовка ключевых слов в качестве эстетической категории, несущей, по мнению Н. В. Рыжовой, основную семантическую нагрузку и способствующей интерпретации и восприятию художественного текста [9]. В когнитивистике ключевое слово рассматривается не только как общезыковая единица, но и как индивидуальный опыт автора, как продукт его художественного творчества, который реализует авторские концепты.

Рассмотрим подробно ключевое слово «темный» на примере рассказов из цикла

И. А. Бунина «Темные аллеи». В одноименном рассказе ключевое слово *темный / черный* и однокоренные или семантически одноплановые слова употреблены десять раз. Они создают своеобразную кольцевую структуру: частотны в начале рассказа, при описании местности, внешности героев, убранства постоянного двора, и в конце, при тех же задачах, но отягощённые, на наш взгляд, и размежеванием духовных качеств героев. В середине рассказа, в воспроизведении диалога героев, они отсутствуют.

Черные краски покрывают землю (*черные колеи*), однако это вовсе не свидетельствует о негативности изображаемого. Напротив, черный цвет земли говорит о ее плодородности и таким образом входит в семантическое поле «жизнь». Это же прослеживается и при описании внешности участников повествования. Например, мужика – «*темноликий, смоляной*», Николая Алексеевича – «*чернобровый, темные глаза*». Но особенную плотность употребление цветописи мы встречаем при описании внешности главной героини – хозяйки частной горницы: «*темноволосая, чернобровая, с темным пушком*». Это создает яркость образа, придает ему жизненную силу. Прослеживается своеобразная параллель с плодородностью земли, жизненным началом.

В описании же внешности Николая Алексеевича, напротив, преобладают безжизненные белые краски: «*белые усы, бледная рука, седые волосы, седина*». Как бы подтверждением противопоставления темного / черного и белого, жизни и смерти является употребленная в речи героини пословица «*Мертвых с погоста не носят*». Герой, имеющий отрицательный жизненный опыт из-за сделки с совестью, еще, казалось бы, не совсем утратил жизненную силу (черный цвет дважды характеризует и его черты), однако сословные различия не позволяют ему даже в душе доказать себе самому счастье иметь возможность жить полной жизнью, воспринять собственный опыт как положительный. Только единожды в сознании Николая Алексеевича рождается ассоциация темного с жизненной силой и душевной красотой, лучшими годами молодости. Это цитата о темных аллеях. Но он отгоняет ее от себя. Картинка погоста и смерти, душевной пустоты дана в красках, не имеющих семантики «*темный*».

Лексема *темный* занимает главенствующую позицию в заглавии цикла, что отмечали некоторые исследователи. А. Е. Горелов в монографии, посвященной И. А. Бунину, пишет: «Бунин назвал свой "Декамерон" "темными аллеями", ибо сфера чувственных переживаний человека притягивала его своими <... > тайнами» [4, с. 15].

Обратимся к «Толковому словарю» русского языка С. И. Ожегова [8], в котором увидим несколько значений слова *тёмный*: «ТЁМНЫЙ, -ая, -ое; темен, темна, темно. 1. Лишенный света; погруженный во тьму. Темное помещение. На улице темно (в знач. сказ.). 2. По цвету близкий к черному, не светлый. Темные волосы. Темные глаза. Темное

пятно (также перен.: то же, что пятно во 2 знач.). 3. Неясный, смутный, непонятный. Г. смысл. Темные места в летописи. 4. Печальный, мрачный, безрадостный. Темное время. Темная полоса жизни. 5. Вызывающий подозрение, сомнительный по честности. Темное прошлое. Темные дела. 6. Невежественный, отсталый. Темные люди. * Темна вода во облацех (древнерусская форма предл. п. мн. ч. от «облако») (шутл.) – о чем-н. непонятном, необъяснимом. Темным-темно (разг.) – очень темно, ничего не видно [8].

В заглавии рассказа и сборника сочетаемость со словом «*аллеи*», казалось бы, должна соответствовать значению слова «лишенный света; погруженный во тьму», или «неясный, смутный, непонятный», или «печальный, мрачный, безрадостный» [8]. Но с другой стороны, мы помним, что главная тема рассказов любовь, тогда лексема *темный* будет отражать уже другое значение, авторское. Любовь, как неясное, непонятное, загадочное чувство. Н. Ю. Желтова обращает внимание на то, что «все эти пять значений отражают бунинское понимание «русской любви» [5]. «Все рассказы этой книги только о любви, о ее "темных" и чаще всего мрачных и жестоких аллеях», – писал Бунин в письме к Тэффи. Так, мы можем выделить субъективный фактор, то есть автор, выбирая это слово, вкладывает в него свое значение, определяет его функцию в художественном тексте.

Культурологический концепт «темный / черный» соотносим с мифологическими представлениями человека. Он маркирует грань двух миров – светлого и темного, обозначение языческих тёмных сил природы, темные силы зла и их противопоставление добру, что особенно ярко отражается в русском фольклоре. Но и здесь Бунин ставит под сомнение традиционное наполнение понятия, предпочитая собственное понимание. Представляется, что оно связано с осознанием таинственности или таинства истинного, Богом дарованного чувства, способности любить.

Очевидна интертекстуальность названия цикла и одноименного рассказа «Темные аллеи». Это реминисценция, отсылающая к стихотворению Н. П. Огарева «Обыкновенная повесть» [7]. Герои стихотворения Н. П. Огарёва тоже похоронили под светским лоском и спокойствием бывшее счастье, тоже, на первый взгляд, довольны жизнью. Но ощущение пустоты, предательства, утраты полученного дара мы находим и у Огарёва, как и кольцевую структуру текста стихотворения, построенную на концепте / ключевом слове «темный»: «Вблизи шиповник алый цвел, стояла темных лип аллея. Была чудесная весна!» – «Темно. Осталось, для людей закрыто, что было там говорено, и сколько было позабыто» [7]. И у Огарёва, и у Бунина любовь предана, принесена в жертву. Она как будто живет сама, отдельно от героев, и при этом, ушедшая от них, не дает им чувствовать себя живыми и счастливыми. Бунинский рассказ представляется нам своеобразной прозаической проекцией на стихотворный текст Огарёва.

Эта проекция распространяется и на другие рассказы сборника. Так, в «Русе» слово «темный» также можно признать ключевым. В этой новелле больше оптимизма, есть разделенное чувство. Но оно также принесено в жертву чужим страстям, ложным представлениям, простому материнскому эгоизму. Семантика ключевого слова, за единственным исключением, дышит страстью, наполнена трепетом искренней чувственности. В описании героини, передаче её красоты темный цвет доминирует: *«черная коса, смуглое лицо, смуглая кожа, темные родинки, черные глаза, черные брови, темные мышки, темный мысок»* [3]. Темный же цвет хранит страсть влюбленных, их тайны (*«темный лес, темнота прибрежного леса»*) [3]. Гармония жизни во всей ее красоте предстает в цветописии темными красками. В кольцевой организации ключевое слово «темный» также присутствует и в этом рассказе. Но оно своеобразно обрамляет счастье воспоминаний горечью об утрате его: в начале рассказа – *«темно и печально на станции»* и в конце – *«могильно смотрел из черной темноты глазок над дверью»* [3].

В «Чистом понедельник» Он и Она также сопровождаются ключевым словом «черный». Это можно расценить как своеобразное развитие первоначального бунинского концепта «темный». Необыкновенная красота героини дана только через черный цвет и дважды – через гранатовый: *«в густой черноте волосы, черные глаза, темный пушок возле рта»*. Это неоднократно повторяется, постепенно развиваясь в цвет одежды – героиня вся в черном. Затем этим же цветом дорисовываются монашеские рясы. И тут у Бунина создается перетекание семантики из черного цвета – в белый: цвет монашеского *«плата»*. Для героя, не могущего найти спасения от неразделенной любви ни в чем, – это цвет смерти, безнадежности. Религиозность противопоставляется дару любви.

Таким образом, на основании анализа употребления ключевого слова «темный» («черный») мы выделяем индивидуально-авторские семантические поля «жизнь» и «смерть». Цветообозначением ядра поля «жизнь» является темный цвет. Ключевое слово соотносимо с восприятием и изображением женской и мужской внешней и внутренней красоты. На периферии оно переходит в «черный», и там наполняется прямыми лексическими соответствиями (печальный, мрачный и под.). Цветообозначением ядра поля «смерть» является белый цвет. Мертвенные краски рисуют пустоту, равнодушие, неспособность любить. В этом случае очевидно неприятие писателем традиционных представлений цветоконцептов, своеобразный протест против привычных красок.

Слово имеет в тексте достаточно разветвленное словообразовательное гнездо, каждый элемент которого углубляет представление об индивидуально-авторском содержании концепта «темный». Ключевое слово «темный» функционирует в качестве структурообразующего элемента текста, выступает в качестве красной нити повествования,

создающей индивидуально-авторское восприятие и изображение действительности. Реализуя текстовую категорию интертекстуальности, ключевое слово «темный» у И. А. Бунина создает глубину текстового пространства, расширяет его, доводит до всеобщего смысла, осознаваемого как таинство, при этом лишая ключевое слово традиционного лексического наполнения.

Таким образом, данные наблюдения позволяют сделать вывод о специфике авторского понимания ключевого слова «темный», представленного в тексте цикла рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи». Проведенное исследование показывает, что первоначальная идея Н. П. Огарёва заиграла у И. А. Бунина новыми красками, легла в основу его творческого метода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста / Под ред. проф. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С. 267–279.
2. Бонецкая Н. К. «Образ автора» как эстетическая категория. – М.: 1986. – 269 с.
3. Бунин И. А. Темные аллеи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/temnye-allei/index.htm> (дата обращения 20.04.2020).
4. Горелов А. Е. Три судьбы: Ф. Тютчев, А. Сухово-Кобылин, И. Бунин. – Л.: Советский писатель, 1980. – 623 с.
5. Желтова Н. Ю. Способы воссоздания национального колорита в русской прозе первой половины XX века (И. А. Бунин, А. И. Куприн, В. В. Набоков) [Электронный ресурс] // Вестник ТГУ. – 2002. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-vossozdaniya-natsionalnogo-kolorita-v-russkoy-proze-pervoy-poloviny-hh-veka-i-a-bunin-a-i-kuprin-v-v-nabokov> (дата обращения 20.04.2020).
6. Мещерякова О. А. Авторская концептосфера и ее репрезентация средствами свето- и цветообозначения в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи»: дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2002. – 197 с.
7. Огарёв Н. П. Стихотворения и поэмы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rustih.ru/nikolaj-ogarev-obyknovennaya-povest/> (дата обращения 25.04.2020).
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=31758> (дата обращения 21.04.2020).
9. Рыжова Н. В. Речевые средства создания образа автора в прозе И. А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1991. – 173 с.